

**НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ РУДАКИ**

УДК: 809.155.0+809.155.2

ББК: 81.2 Тадж

М-33

На правах рукописи

МАТРОБИЁН САОДАТШО КОСИМЗОДА

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ТАДЖИКОВ**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(памирские языки) (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

ДУШАНБЕ — 2022

Научное исследование выполнено в отделе языка Института языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана.

Научный консультант: **Мухторов Зайнидин Мухторович** – доктор филологических наук, ректор Филиала Сингапурского института развития менеджмента в городе Душанбе

Официальные оппоненты: **Джамшедов Парвонахон** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национальной Академии наук Таджикистана

Шамбезода Хусрав Джамшедович – доктор филологических наук, профессор, проректор по науке и инновациям Межгосударственного образовательного учреждения «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Джаматов Самиддин Салохиддинович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни

Ведущая организация: **Таджикский национальный университет**

Защита диссертации состоится «18» марта 2023 года, в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Д. 73.1.015.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана (736000, г. Хорог, улица У. Холдорова 1).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганды Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана (www.ign.tj)

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук**

Некушоева Ш. С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное исследование до сих пор не подлежало серьёзному изучению и является первым научным материалом, который посвящён этнолингвистическим особенностям языковой картины мира таджиков на примере таджикского и бадахшанских (памирских) языков.

Актуальность темы исследования. Общеизвестно, что для многих народов мира языки будучи ценнейшим духовным наследием, развивались в течении многих веков и тысячелетий, эволюционируя от одной фонетической, словарной и грамматической формы к другой, они даже из одного языка разделились на многие другие языки и диалекты и дошли до наших дней сохранив историческую подлинность. Но, к сожалению, некоторые языки в ходе истории, возможно, по причине невнимательности и небрежности своих носителей или же из-за различных событий той или иной эпохи стали «жертвами» исторических перипетий и исчезли, оставив одно только название (и то некоторые из них, если им это удалось).

Древний и цивилизованный таджикский народ сумел с гордостью и достоинством пройти «испытания и экзамены» истории, защитить свой язык и свою культуру, сохранить и оставить в наследие будущему поколению. История редко помнит народ, защищавший свои национальные языки от самых суровых «бурь» и сокрушительных житейских «дождей».

Языки и диалекты, оставшиеся от предков таджиков – таджикский язык, ягнобский язык и бадахшанские языки - являются бесценным наследием таджикского народа, сохранившиеся до наших дней. С этнолингвистической точки зрения их изучение является «ключом к национальному самопознанию». Действительно, Лидер таджикской нации, Президент страны, уважаемый Эмомали Рахмон в своей книге «Взгляд на историю и цивилизацию арийцев» пишет: «Сегодня Таджикистан в вопросе языкового богатства подобен музею живой истории. До сих пор существуют несколько древних языков, относящихся к иранской восточной группе в Бадахшане и ягнобский в верховьях Зеравшана. Эти языки являются бесценной лабораторией истории языка, их нужно защищать и как можно больше изучать с научной, в особенности этнолингвистической точки зрения».¹

По сути, языковое богатство таджикского народа является доказательством древности этой нации. Нацию представляет ее язык и культура. Через язык каждый носитель языка, прежде всего, познаёт свой менталитет, свою историю и культуру, ибо язык есть «зеркало прошлого и настоящего и совокупность мыслей и представлений народа²» и он сохранил эти важные эле-

¹ Эмомали, Рахмон. Шиносномаи миллат / Эмомали Рахмон // Б. Фафуров. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. – Душанбе, 2020. – 976 с. – С. 27.

² Эмомали, Рахмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби 2. Забон ва замон / Эмомали Рахмон – Душанбе, 2020. – 432 с.; – С. 5.

менты на века. Только язык способен отражать духовные ценности, особенно традиции и обычаи народа. Языковые единицы даже выражать жизнь и быт предков.

Лингвисты и социологи придерживаются мнения, что история таджикского народа выражается в его языке и культуре. Если культура является основой существования нации, то язык есть выражение культуры и существования нации. Как пишет М. Шакурӣ: «Та духовная культура, те высшие человеческие ценности, та философия жизни и осознание сущности жизни, те мечты и надежды, и социальные, и идеальные, которые определяют содержание бытия личности, имеют преимущество в развитии сознания, бытия, традиции и обрядов, нравственности народа и нации, могут быть выразителем существования этой личности, этого народа и этой нации. И все это, прежде всего, излагается в языке. Именно язык выявляет признаки бытия народа, показывает им и другим, готовит основу для устойчивости, развития и процветания каждого из этих признаков».³

Исходя из вышеизложенного, мы сталкиваемся с тремя основными взаимовлияющими элементами: язык – культура – нация, все три из которых образуют основную часть диссертации. Это первое этнолингвистическое исследование, в котором изучается, обсуждается и исследуется взгляд таджиков на мир через язык в отношении к культурным ценностям.

Каждый народ с древними корнями может быть очень богатым в плане языка и культуры. Таджики – древний народ и они пользуются именно этим богатством. О языке и культуре народов, приведших к формированию таджикской нации, Верховный Лидер Нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в предисловии к книге Бободжона Гафурова «Таджики» сказал: «Он (т.е. Бободжон Гафуров – М.С.) доказывает, что этнические процессы, идущие с древнейших времен и привели к формированию таджикского народа из согдийских, хорезмийских, ферганских, бактрийско-тахарских народов. Однако он категорически опровергает утверждения некоторых ученых, считавших культуру и язык этих народов совершенно самостоятельными, подчеркивая, что «таджики как самостоятельный этнос сформировались на основе этих народов и других восточноазиатских групп»⁴.

Опираясь на слова Лидера нации «Таджикистан является музеем живой истории с точки зрения языкового богатства», а «восточноиранская группа языков в Бадахшане и ягнобский язык в верховьях Зеравшана» является «бесценной лабораторией языковой истории», можно твердо сказать, что носители данного языка также таджики, и упомянутые

³ Шакурӣ, М. Хуросон аст ин чо (нашри 2-юм) / М. Шакурӣ. – Душанбе, 2005. – 360 с. – С. 37.

⁴ Эмомалӣ, Раҳмон. Шиносномаи миллат / Эмомалӣ Раҳмон // Б. Гафуров. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. – Душанбе, 2020. – 976 с. – С. 12.

языки являются культурным и духовным наследием таджикской нации. Нужно отметить, что таджикский, ягнобский языки и бадахшанская группа языков (памирские языки), являющиеся однокоренными, пережили бурные исторические события. Преобразование и усовершенствование этих языков протекали самостоятельно, чем дальше шло время, тем больше они отделялись друг от друга. Поэтому совместное изучение таджикского, ягнобского и бадахшанских (памирских) языков с точки зрения культурных ценностей и картины мира таджиков «в научном, особенно этнолингвистическом» аспекте является важным вопросом данного исследования.

Но осознание окружающей среды и познание мира одинаково отображены, с одной стороны, в пословицах, поговорках, выражениях, сказках, песнях, народных рубаи и мифах, звучавших на местном и таджикском языках, с другой стороны, общие слова и термины, в том числе сельского хозяйства, животноводства, охоты, предметов домашнего обихода, а также термины и слова, относящиеся к культурным традициям и обычаям, таким как свадьба, траур, празднества обрезания, мероприятия по случаю рождения ребёнка, имянаречения ребёнка, разных торжеств, летосчисление, календарных обрядов и обычаев, счёт, цветообозначения, национальных игр и других, отражаются в языковой картине мира.

С точки зрения глоттохронологических исследований в современном языкознании возраст определенной языковой семьи установлен от 6 до 8 тысяч лет⁵, хотя М. Сводеш в возрастной классификации языков предполагал возраст языковой семьи от 2500-3000 лет⁶. Несомненно, соотношение дивергенции таджикского языка и бадахшанской группы языков, входящие в состав группы иранских языков, до сих пор не подлежало серьёзному лингвистическому исследованию. Конечно, исключительно лингвистические анализы, которые проводили востоковеды В.С. Соколова (1967, 1973), Дж. И. Эдельман (1976, 1980, 1984), Б. Б. Лашкарбеков (2006) и другие авторы, до некоторой степени нас сближают с сутью вопроса. А также о классификации и делении на исторические и диалектологические группы иранских языков даны подробные сведения в научных трудах И.М. Оранского (1979) и А. Мирбобоева (2015). На основе проведённого исследования выяснилось, что в первой половине I века до нашей эры появились характерные черты западного и восточного арийского диалектов и примерно в это время древние диалекты бадахшанских языков. В совокупности все эти диалекты относились к

---

⁵ Яхонтов, С. Е. Оценка степени близости родственных языков. Теоретические основы классификации языков мира / С. Е. Яхонтов. – М., 1980. – С. 148-157.

⁶ Сводеш, М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) / М. Сводеш // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 23-52.

одному языку⁷. В этой связи И.М. Оранский подчеркивает: «О родстве древних иранских языков между собой может свидетельствовать указания древних авторов, которые считали, что персы, моды, арийцы и согдийцы говорили на одном языке⁸».

Но, по мнению Б. Лашкарбекова: «Однако эти исследования чаще всего – чисто лингвистические, проблемы этнолингвистики в них затрагиваются попутно⁹». Этот ученый пришёл к выводу, что культурное наследие всего региона Бадахшана – это смешивание древнего иранского и доиранского традиций: «Культурное наследие ишканинцев и мунджанцев, как и других ираноязычных народов памиро-гиндукушского региона, – это синтез древнеиранской и местной доиранской традиций, обогащённых в ходе последующего материального и духовного развития общества. Этнолингвистические факторы говорят о том, что протоишканинцы, так же как протоваханцы освоили Памир ещё тогда, когда были язычниками – солнцепоклонниками, приняв позднее зороастрийское вероучение, они адаптировали его к своим исконным религиозным представлениям¹⁰».

Таким образом, с древности и до наших времён не только носители таджикского языка, но и носители ягнобского, шугнанского, рушанского, бартангского, сарыкольского, язгулмского, ваханского, ишканинского, сангличского, мунджанского языков и язык ормури, язык парачи считают себя по национальности таджиками.

Степень изученности темы. В таджикском языкознании этнолингвистические исследования по языковой картине мира таджиков не проводились в четкой и комплексной форме. Так как этнолингвистика является междисциплинарной областью, т.е. между лингвистикой, этнографией, фольклористикой и культурологией, то исследования ученых в этих областях являются основой для изучения данной темы.

Впервые к изучению этнологии, языка, культуры и истории таджиков приступили европейские учёные XIX века Р. Готио, В. Гейгер, В. Лентс, Р. Шоу, Дж. Биддельф, В. Томашек, О. Олуфсен, Г. Моргенштерне и другие. Позднее для ознакомления с жизнью и материально-духовным наследием та-

---

⁷ Лашкарбеков, Б. Б. К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша // Б. Б. Лашкарбеков // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – С. 111 – 130.

⁸ Оранский, И. М. Иранские языки в историческом освещении / И. М. Оранский. – М. «Наука», 1979. – 238 с – С.129.

⁹ Лашкарбеков, Б. Б. К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша // Б. Б. Лашкарбеков // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – С. 111.

¹⁰ Лашкарбеков, Б. Б. К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша // Б. Б. Лашкарбеков // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – С.124.

джикского народа знаменитые русские этнографы и лингвисты Б. Л. Громбчевский, Д. Л. Иванов, А. А. Бобринской, М.С. Андреев, А.А. Половцов, К.Г. Залеман, И.И. Зарубин, А.А. Семенов, В.В. Бартольд, А. К. Писарчик, Н. А. Кисляков, Л. Ф. Моногарова, А. В. Лившиц, И.М. Оранский, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалина, А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский, Дж. И. Эдельман, А. А. Керимова, Е. К. Молчанова и другие возглавляют исследования этнолингвистических проблем таджикского языка и культуры.

В силу разнообразия этнолингвистических исследований и их связи с другими науками уровень исследований в этой области можно отнести к этнографическим, фольклорным, лингвокультурологическим.

По теме этнографии в разные годы напечатанные книги и статьи в разных областях науки со стороны М.С. Андреева, А. А. Семёнова, Н. А. Кислякова, А. К. Писарчик, М. Р. Рахимова, И. Мухиддинова, У. Джахонова, считаются самыми лучшими этнолингвистическими трудами, которые дают сведения о традициях и обычаях по случаю рождения ребёнка, празднования обрезания, бракосочетания и свадьбы, а также сельского хозяйства, животноводства, охоты и религиозных доисламских обрядах местных жителей.

По теме фольклора и мифологии русский востоковед И.И. Зарубин один из первых, как участник экспедиции 1914 года, собирает множество языковых материалов (лингвистических), а также материалов по фольклору и этнографии среди таджиков Средней Азии. Р. Р. Рахимов подчёркивает: «Фольклорно-этнолингвистические изыскания, опубликованные И. И. Зарубиным по результатам экспедиции 1915 – 1916 гг., ввели в науку обширный новый материал не только по лингвистике и фольклористике, но и по этнографии припамирских народностей¹¹». В статье, опубликованной лингвистами А. А. Каримовой и Е. К. Молчановой вспоминается особый интерес Зарубина «к той области языкознания, которую ныне называют этнолингвистикой¹²». Они подчеркивают: «Лингвисты (особенно диалектологи), фольклористы, этнографы, писатели — и среди них ученики и последователи И. И. Зарубина — собрали многочисленные материалы в этой области. Материалы эти рассредоточены по разным отраслям и ждут своего обобщения в этнолингвистическом аспекте¹³».

Огромный вклад в исследовании языка и фольклора таджиков внесла А. З. Розенфельд (1970). В области изучения языков она также рассматривает фольклорные исследования, что является шагом вперед в области этнолингвистики.

¹¹ Рахимов, Р.Р. И.И. Зарубин (1887 -1964) / Р. Р. Рахимов // СЭ. 1989, №1, - С.114

¹² Каримова, А.А., Молчанова, Е.К. И. И. Зарубин и таджикская этнолингвистика. / А. А. Каримова, Е.К. Молчанова // Вопросы языкознания (теоретический журнал по общему и сравнительному языкознанию), №6, 1992. – Москва «Наука», 1992. – С. 123.

¹³ Там же. – С. 126.

Персонажи мифологии стали объектом изучения многих исследователей и на эту тему было напечатано множество трудов. Научные произведения и статьи М.С. Андреева (1927), А.З. Розенфельд (1971), О.А. Сухаревой (1934; 1975), О. Муродова (1975), Г. А. Климова, Дж. И. Эдельман (1979), Б. А. Литвинского (1990), Равшана Рахмони (1998), Т. С. Каландарова (2000), Н. М. Курбонхоновой (2006), Г. Н. Ризвоншоевой (2011), Р. Бобохонова (2012), Е. К. Молчановой (2019; 2020), Л. Р. Додихудоевой (2020) являются яркими примерами данной категории исследований.

В научных трудах и статьях этих исследователей анализируется мир духовных мыслей и представлений таджикского народа. Исследователи подчеркивают древние верования таджикского народа. Описательный анализ мифологического мира таджиков ярко выражен в статьях Дж. И. Эдельман (1979; 2005; 2008), Е. К. Молчановой (2019; 2020), Л. Р. Додихудоевой (2020).

Научные труды и научные статьи, написанные в области языкознания, ономастики и лексики различных направлений, также охватывают круг этнолингвистических вопросов. Народные обычаи и традиции принадлежат народу и занимают особое место в языке народа (диалекты, наречия и говоры), которые были рассмотрены и проанализированы исследователями диалекта. В частности, в научных диссертационных исследованиях А.Л. Хромова (1962), А.З. Розенфельд (1975), М. Махмудова (1978), Р. Л. Неменовой (1980), Г. Джураева (1980), Ш. Исмоилова (1982), З. Замонова (2009), С. Хоркашева (2014), Н. Гадоева (2009; 2019), Г. Шарифовой (2018) и других эти вопросы очень актуальны.

Следует особо отметить, что ономастика, являющаяся составной частью лексикологии в языкознании, долгое время была основной темой изучения этнолингвистики. В этом направлении в таджикской лингвистике защищены диссертации и созданы фундаментальные труды, но с этнолингвистической точки зрения анализы и дискуссии немногочисленны.

В том числе, топонимика в таджикской лингвистике с этнолингвистической точки зрения мало изучена. Диссертационное исследование Булбулшоева У. (2005) может быть одной из первых изысканий в таджикской топонимике, основанная на этнолингвистических исследованиях. С этнолингвистической точки зрения автор анализирует топонимы Шохдаринской микротопонимии и рассматривает отношение топонимов к духовной культуре народа.

Здесь необходимо отметить, что топонимия является незаменимым свидетелем явлений, ценным источником, который сохранил в себе информацию о жизни и быте народа несколько тысячелетий. Таджикский исследователь Р. Шодиев уместно отметил: «Историческая топонимия наравне с тем, что яв-

ляется важным лингвистическим доказательством, еще имеет этнолингвистическую ценность¹⁴».

Основной целью такого рода исследования, прежде всего, заключается в выявлении этнического ряда и определении разной топонимии и их этнолингвистической группировки. В литературе таджикской топонимии часто встречается толкование и разъяснение этнотопонимии, которая считается вторым видом этнолингвистического исследования. По этому вопросу можем обратиться к научным диссертациям таких исследователей, как Р. Х. Доди-худоев (1975), Н. Офаридаев (1991; 2002), Дж. Алими (1993; 2015; 2017), Ис-моилов Ш. (1999), О. Махмаджонов (2006; 2010), Д. Хомидов (2006, 2018); Б. Тураев (2010), А. Р. Аюбов (2013), Р. Шодиев (2016), М. А. Кувватова (2019) и др.

Также можем особенно подчеркнуть научные статьи исследователей А. З. Розенфельд (1940; 1964; 1977; 1979) и Дж. И. Эдельман (1975) в топонимии. В своих статьях исследователи объясняют этнолингвистические аспекты некоторых памятников Таджикистана и анализируют их связь с мифологией и верованиями народа. Дж. И. Эдельман проанализировала некоторую топонимию, имеющую значение (в язгулямском, шугнанском и ваханском языках) «верх», «вниз», «эта сторона», «та сторона» и другие. Такого типа анализы в этнолингвистике выражаются в отношении говорящего к пространству. Аналогичные важные этнографические сведения, непосредственно относящиеся к этнолингвистике, содержатся в работе Р. Л. Неменовой (1956).

Наряду с топонимией антропонимика также занимает важное место в этнолингвистике. В таджикской топонимии в направлении антропонимики также проведены множество исследований. Здесь мы можем напомнить учёных, которые занимались исследованием данного направления: О. Гафуров (1971; 1987), Д. Карамшоев (1978; 1985), Ш. Хайдаров (1986; 2011), Р. Шоев (1996), М. Б. Аюбова (2002), Л. Т. Рузиева (2005), С. Ю. Абодуллоева (2008), Д. Ф. Майнусов (2013), С. Х. Курбонмамадов (2014), Э. А. Давлатов (2016), Ш. Ш. Гуламадшоев (2017), Дж. Р. Темуров (2018), С. Х. Холикназарова (2018), Ф. Т. Давлатова (2019) и другие. Вышеперечисленные учёные в своих трудах анализировали взаимосвязь собственных имён существительных (имена людей) с обычаями и традициями, осознание мира вокруг наречения и имён.

В конце XIX – начале XX века наравне с собранием этнографических материалов и их обзоров большое внимание стали уделять исследованию языков Средней Азии, особенно таджикскому и употребляемым языкам, как

---

¹⁴ Шодиев, Р. Масоили лингвистии номвожаҳои таърихии Хатлон / Р. Шодиев. – Душанбе, 2016. – 117 с. – С.5.

бадахшанскому, так и ягнобскому. Еще в начале XX века знаменитый русский востоковед-лингвист И.И. Зарубин начал заниматься исследованием данного направления и опубликовал ряд научных трудов и статей (1930; 1937; 1960). Также М.С. Андреев и А. Писарчик (1957) напечатали тексты на ягнобском языке с приложением ягнобско-русского словаря. Свои исследования в этом направлении продолжили И.М. Оранский, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалина, А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский, Дж. И. Эдельман и другие, и на основе этнографического материала провели полноценное исследование.

В дальнейшем научная работа по таджикскому языкознанию на основе этнографических материалов проводилась во имя изучения этнографической лексики, все это мы, несомненно, можем назвать этнолингвистическими исследованиями. В частности, диссертации А. Мирбобоева (1991), И. Рахимова (1992), Б. П. Алиева (1998) утверждают, что в таджикском языкознании в 1990-е годы труды вышеупомянутых исследователей были первыми научными исследованиями, посвященными этнолингвистическому анализу этнографической лексики. В то же время даже «формирование и развитие этнолингвистики в иранском языкознании находятся в стадии становления¹⁵».

В первых двух десятилетиях XXI века этнолингвистика в таджикской лингвистике превратилась в отдельную часть лингвистики и предмет глубокого исследования лингвистов, ее изучение получило широкое распространение и охватило многие стороны духовного языка и культуры, в особенности народные традиции, обычаи и обряды. Например, научные диссертации следующих учёных посвящены именно теме этнолингвистики: М. М. Аламшоева (2002), М. Халимовой (2002), А. Н. Насриддиншоева (2003), Ш. Ф. Зоолишоевой (2005), С. К. Матробиён (2005), С. Саркорова (2006), М. К. Броимшоевой (2006), Ш. Некушоевой (2010), М. Хасановой (2010), О. Косимова (2011), М. Бобомуродовой (2012), Х. Ш. Кабирова (2017) и других.

Цель исследования. Диссертационное исследование преследует цели всестороннего анализа и интерпретации этнолингвистических особенностей языковой картины мира таджиков с учетом сравнительно-исторической характеристики и ареальной специфики таджикского языка и его взаимосвязи с другими родственными и неродственными контактирующими с ним языками. Поставленная цель охватывает четыре важных аспектов, которые заключаются в следующем:

1) на теоретической основе исследовать место и роль этнолингвистики в таджикской этнолингвистике и отражение языковой картины мира в нём;

---

¹⁵ Алиев, Б. П. Ягнобская этнографическая лексика: автореф. дисс... канд. филол. наук / Б.П. Алиев. – Душанбе, 1998. – 21 с. – С.3.

2) анализ языковой картины мира таджиков на основе лингвистических, этнографических, фольклорных и мифологических материалов, составляющих в целом этнолингвистический материал;

3) рассмотреть общее восприятие окружающего мира, мировосприятия и мировоззрения таджиков, говорящих на разных языках - таджикском, ягнобском, язгулямском, рушанском, шугнанском, ишкашимском и ваханском;

4) исследование этнолингвистических ареалов Таджикистана, в которых наряду с таджиками проживают другие этносы.

Для достижения целей поставлены следующие **задачи**:

- анализировать и сравнить теорию мировых лингвистических школ о значении этнолингвистики;
- систематизировать взгляды лингвистов о понятиях «картина мира» и «языковая картина мира»;
- охарактеризовать и классифицировать языковую картину мира таджиков;
- конкретизировать этапы формирования таджикской этнолингвистики;
- определить источники исследования таджикской этнолингвистики;
- изучить этническую ментальность и национальную ментальность в формировании языковой картины мира таджиков;
- исследовать этнолингвистические вопросы на основе этнографических и фольклористических наук;
- уточнить этнолингвистические вопросы в таджикской лингвистике;
- определить важность картографирования в этнолингвистике;
- выявить способы обработки и исследования материала этнолингвистической карты;
- определить этнолингвистические ареалы Таджикистана;
- выявить и охарактеризовать особенности этнолингвистических округов Таджикистана;
- дать этнолингвистическую интерпретацию национальной и языковой картины мира таджиков;
- дать этнолингвистическую интерпретацию воплощения времени в национальной и языковой картине мира таджиков;
- продемонстрировать таджикское национальное и языковое познание в имянаречении детей;
- определить национальные и языковые познания таджиков в топонимике;
- осуществить этнолингвистический анализ терминов, обозначающих родственные отношения в языковой картине мира таджиков.

Объект исследования – иранская группа языков Республики Таджикистан – таджикский язык, входящий в состав западноиранской и бадахшан-

ские (памирские) языки (язгулямский, рушанский, шугнанский, ишкашимский и ваханский), входящие в состав восточноиранской группы языков.

Предмет исследования – языковая картина мира таджиков с этнолингвистической точки зрения.

Теоретические основы исследования. Теоретической основой данного исследования являются научные изыскания лингвистов, прежде всего этнолингвистов, лингвокультурологов и когнитивистов. При изучении важных теоретических вопросов этнолингвистики и языковой картины мира прежде всего представляют интерес точка зрения И. Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, Г. Шухардта, Х. Штейнталя, А. Мейе, Э. Сепира, Б. Уорфа, Д. Гамперца, Д. Хаймса, В. Лабова, Ж. Вандриеса, Б. Потте, Ж. Калам-Гриола, Ф. Алварес-Перэра, Ж.К. Дэнгирарда, Ф. И. Буслаева, А.А., Минаева, А. А. Поттебни, Е. Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, В.А. Жирмунского, А. А. Шахматова, С.Ф. Карского, Д.К. Зеленина и других учёных, прославившиеся как основоположники различных областей лингвистики. А также рассмотрены взгляды таких учёных, как К.Л. Хейл, Миллер, П. Герд, А. Херрис, Р. Ласс, Л. Кампбелл, Дж. Е. Джосеф, Н.А. Кондрашов, Ф. М. Берёзин, В. А. Звингенцев, В. М. Алпатов, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В.Н. Топоров, Б.А.Успенский, Ю. А. Левицкий, Н. В. Боронникова, Л. Н. Виноградова, А. В. Гур, А. Ф. Журавлев, Б. Серебренников, Вяч. Вс. Иванов, М. М. Копиленко, Ф. Д. Климчук, В. В. Шепелевич, Г. А. Тсихун, Н. П. Антропов, Р. М. Ковалева, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко, А.С. Герд, Т. В. Цивьян, О. А. Черепанова, А. В. Юдин, Е. В. Перехвальская, Т. Л. Агапкина, А. А. Плотникова, В. В. Усачева, З. Д. Попова, И. А. Стернин и другие.

Идеи русских языковедов, внесших ценный вклад в таджикское языкознание, таких как И. И. Зарубин, А. В. Лившиц, И. М. Оранский, В. С. Расторгуева, А. З. Розенфельд, В. С. Соколова, Т. Н. Пахалина, А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский, А. Хромов, Дж. И. Эдельман, Е. К. Молчанова и известных таджикских лингвистов Р. Х. Додихудоев, М. Эшниёзов, Д. Саймиддинов, Ш. Исмоилов, Г. Джураев, П. Джамshedов, И. Рахими, Н. Офаридаев, Дж. Алими, Д. Ходжаев, С. Назарзода, Х. Д. Шанбезода, А. А. Нозимов, М. М. Аламshоев, О. О. Махмаджонов, М. Султонов, Ф. Х. Шарифова, З. Мухторов, О. Косимов, Б. Б. Лашкарбеков, А. Мирбобоев, Л. Р. Додихудоева, З. О. Назарова и другие составляют теоретическую основу исследования.

Эмпирические основы. Опытнo-экспериментальную основу диссертационной работы составляют этнографические, фольклорные, диалектологические и культурологические материалы, собранные исследователями в селениях Таджикистана в разные годы, причем не только в рамках исследования иранистики, но и индоевропеистики. Основу диссертации составляет материал, собранный диссертантом в ходе полевых экспе-

дий, организованных в 2006-2009 годах Институтом языка и литературы им. Рудаки Национальной Академии наук Таджикистана по городам и районам страны.

Основная база исследования. Теоретическую основу диссертационной работы составляют научные изыскания «Этнографический очерк Зерафшанских гор, Каратегина и Дарваза» А. А. Семёнова (1903), «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)» А. А. Бобринского (1908), «Таджики долины Хуф (верховья Амударьи)» (1958; 2020) и «Материалы по этнографии Ягноба (записки 1927-1928 гг.)» М. С. Андреева (1970), «Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г.» А. К. Писарчик (1949), «Таджики Каратегина и Дарваза» Н.А. Кислякова и А. К. Писарчик (1966; 1970; 1976), «Свадебный фольклор припамирских таджиков» А. З. Розенфельд (1970), также использованы словари: «Персидский словарь» Асади Туси, «Тухфатул-ахбоб» («Подношение друзей») Хофизии Убахи, «Бурхони котей» («Неоспоримое доказательство») Мухаммад Хусайн Бурхона, «Гиёс-ул-лугот» («Словарь Гиёса») Мухаммад Гиёсуддина, «Шугнано-русский словарь» Д. Карамшоева, «Этимологический словарь ваханского языка» И.М. Стеблина-Каменского (1999), «Этимологический словарь иранских языков» В. С. Расторгуевой и Дж. И. Эдельман (2000; 2003).

А также монографии и диссертации исследователей Р. Х. Додихудоева (1975), Дж. И. Эдельман (1979; 2005; 2008), Б. А. Литвинского (1990), Н. Офаридоева (1991; 2002), Дж. Алими (1993; 2015; 2017), О. О. Махмаджонова (2006; 2010), А. Мирбобоева (1991), И. Рахимова (1992), Б. П. Алиева (1998), Равшана Рахмони (1998), М. М. Аламшоева (2002), М. Халимовой (2002), Ш. Ф. Зоолишоевой (2005), С. К. Матробиён (2005), Булбулшоева У. (2006), С. Саркорова (2006), М. К. Броимшоевой (2006), Ш. Некушоевой (2010), М. Хасановой (2010), М. Бобомуродовой (2012), Х. Ш. Кабирова (2017) являются основой для исследований.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе впервые исследована языковая картина мира таджиков системным способом на примере таджикских и бадахшанских (памирских) языков с этнолингвистической точки зрения, рассмотрено и анализировано в монографической форме на современных лингвистических достижениях. Впервые в развёрнутом виде исследован периоды становления и развития источников таджикской этнолингвистики; сгруппированы классификации этнолингвистических ареалов Таджикистана на основе надёжных научных источников. Впервые сопоставлены этнолингвистические толкования летоисчислений, наречения детей, топонимики и термины, обозначающие родственные отношения в таджикском языке и памирских языках, изучены традиции и обычаи, обряды таджиков Таджикистана с этнолингвистической точки зрения.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Первоисточник как этнолингвистический материал, информирующий о языке и культуре, традициях и обычаях таджикской нации и дошли до нас в форме легенд и мифов, через которые мы знакомимся с жизнью и бытом, культурой, традиций и обычаям таджиков и важней всего с их мыслями.
2. Исследование показало, что источники таджикской этнолингвистики разделяется на три части: 1) устные источники; 2) национальные праздники и обычаи, народные обряды и хозяйственные термины; 3) письменные источники.
3. Словари являются одним из крупнейших источников этнолингвистических исследований, сохраняющих самобытность представлений, прошлого и дающих сведения об обычаях и традициях народов прошлого.
4. Вопросы по основанию таджикских этнографических, лингвистических и фольклорных наук стали прочной основой для таджикской этнолингвистики.
5. В Таджикистане проживает этническое меньшинство со своими традициями и культурой, и столетия назад на этой земле поселились по соседству коренные жители – таджики. В различных географических средах диапазон добрососедских отношений привел к межкультурному и межъязыковому обмену в этнолингвистических ареалах и установлению языковых и культурных связей.
6. По географическому, культурному и языковому положению Таджикистан разделяется на 5 этнолингвистических ареалов: 1) Согдийский этнолингвистический ареал; 2) Гиссарский этнолингвистический ареал; 3) Раштский этнолингвистический ареал; 4) Хатлонский этнолингвистический ареал; 5) Горно-Бадахшанский этнолингвистический ареал. Установленные ареалы расположены в разной географической среде и каждый ареал имеет свои особенности и охватывает разные языки и культуры.
7. Окружающий мир отражается в сознании разных народов определенными образами. Все эти образы выражены в языках наций и этносов. Время и часть суток в картине мира этносов отражается в зависимости от их национальной картины мира и среды, которая их окружает. Восприятие и понимание времени и пространства в картине мира таджиков имеют уникальные черты и, в зависимости от места, приобретают иногда пространственные оттенки.
8. Языковая картина «счёт дехкана», «счёт охотника», «счёт мужчины» знакомит нас с очень древним миром таджиков по местному счёту времени. Существование такого счёта времени среди горных таджиков яв-

ляется драгоценным духовным богатством нации, так как отражает картины мира вчерашней и сегодняшней истории таджиков.

9. Традиция национального имянаречения, которая является продуктом таджикского мировоззрения, продолжается через национальную культуру, и в сознании большинства таджиков она настолько сильна, что после введения многих арабских заимствований до сих пор обращают особое внимание к значению имени.
10. Исследование выявило, что географические названия показывают взгляды древнего народа, культуру, традиции, обычаи и обряды. В зависимости от культурного и исторического мышления в топонимике существует два лингвистических вопроса – религиозный и мифологический.
11. Этнолингвистические исследования показали, что материальное и духовное наследие таджикского народа, включающее национальные традиции и обычаи и древние культуры и обряды – земледелие, животноводство, охота, домостроение, народные ремёсла, предметы быта, слова и термины, связанные с культурными традициями и обычаями, такие как свадьба, траур, обрезание, обряды, рождением ребёнка, наречением, исторической топонимикой, разными праздниками, летоисчислением, календарных обрядов, счётом, цветообозначение, национальными играми и другими ярко отражаются в языковой картине мира таджиков.

Теоретическое и практическое значение исследования. В диссертации подвергаются глубокому анализу вопросы этнолингвистики, картины мира и языковой картины мира, являющиеся важнейшими чертами современной лингвистики с теоретической точки зрения. Теоретические основы этнолингвистики до сих пор в таджикской лингвистике полностью не изучены, в данной работе они всесторонне исследованы, показаны извилистые и неясные стороны этнолингвистики и языковой картины мира. Поэтому эта теоретическая часть диссертации может всесторонне помочь исследователям этнолингвистики, лингвокультурологии, социоллингвистики, когнитивной лингвистики, психоллингвистики и другим в изучении, поиска и исследования трудных этнолингвистических вопросов, и картины мира, такие как формирование и развитие этнолингвистического мышления в истории лингвистического мышления, роль этнической и национальной ментальности в формировании этнолингвистики, этнолингвистического картографирования, методы его разработки и исследования, основные источники этнолингвистического исследования, а также этапы формирования таджикской этнолингвистики, классификации в изучении вопросов картины мира, национальной и языковой картины мира таджиков.

Практическое значение исследования состоит в том, что научные результаты и материалы диссертации можно использовать на лекционных и

практических занятиях по этнолингвистике, лингвокультурологии, социоллингвистике, когнитивной лингвистике, психоллингвистике, диалектологии, истории таджикского языка, при проведении специальных курсов и семинаров. Также при составлении этнолингвистических и диалектологических словарей, этнолингвистических атласов, учебников и методических рекомендаций материалы диссертации имеют практическое значение.

В исследовании и разработке научных трудов, такие как курсовые, дипломные, магистерская, кандидатские и другие исследования по этнолингвистике, особенно таджикской этнолингвистике, исследования данной диссертации могут помочь как научный материал и с теоретической и практической точки зрения.

Соответствие диссертации с паспортом научной специальности.

Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (памирские языки) (филологические науки), а именно следующим пунктам: **пункт 6.** Лексический строй языка, или языковой семьи (слова как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью); **пункт 11.** Исследование уровневой культурно - (или национально-) обусловленного сообщества представителей конкретного языка, или языковой семьи этой научной специальности.

Оценка достоверности результатов, проведённых исследований, выводов и рекомендации, сформулированных в диссертации, заключается в обоснованности исходных теоретико-методологических позиций исследования, комплексным рассмотрением предмета и объема исследований, объемом исследуемых данных и материалов, применением научных данных, соответствующих цели и задачам исследования, корректностью обработки данных.

Данное исследование проводилось на основании достоверных научных работ и источников, рассмотренные вопросы и предложенные теории анализированы с данными и неоспоримыми доказательствами. В диссертационном исследовании использованы 556 научной литературы, 492 из них научные публикации и статьи на таджикском, русском и английском языках, 64 словаря на разных языках и письменностях.

Личный вклад соискателя научной степени в исследовании. Этнолингвистическое исследование языковой картины мира таджиков изучено впервые в форме диссертационной работы, системным способом на основе таджикского языка и бадахшанских (памирских) языков, показаны общность взглядов и мировоззрение таджиков в разных родственных языках.

Апробация темы исследования. Основные моменты диссертации в форме докладов были изложены в республиканских и международных кон-

ференциях, которые были проведены Комитетом языка и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан, в Таджикском государственном педагогическом университете имени С.Айни, в Таджикском государственном институте языков имени С. Улугзода и другие. Также основные моменты диссертации рассмотрены при чтении лекции по этнолингвистике и важным вопросам лингвистики в Таджикском государственном институте языков имени С. Улугзода. Обсуждение настоящей диссертации состоялось на заседании отдела языка Института языка и литературы имени Рудаки Национальной Академии наук Таджикистана (протокол №9 (22) от 08. 04. 2022 года) и на заседании Ученого совета данного Института (протокол №5 от 06. 05. 2022 года) и представлена к защите.

По важным научным аспектам диссертации и по ее содержанию были опубликованы 2 монографии, 8 научные книги и словари, более 40 научных статей, 19 из которых изданы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ и более 20 статей в разных научных сборниках. Их список приведён в конце автореферата.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из списка сокращений, введения, общей описания диссертации, 5 глав, выводов, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования и библиографии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении диссертации речь идет об актуальности темы диссертации, степень изученности научной темы, цели и задачи исследования, объекте исследования, теме исследования, теоретические основы исследования, научной новизне исследования, основных положениях, выносимых на защиту, теоретической и практической значимости исследования, степени надёжности результатов исследования, соответствии диссертации к паспорту научной специальности, личного вклада диссертанта научной степени в исследовании, рекомендации и реализация результатов диссертации, публикации по теме диссертации, структуре и объёме диссертации.

Первая глава диссертации под названием «**Исследование теоретических вопросов этнолингвистики**», состоит из пяти разделов.

Первый раздел озаглавлен «**Теоретический обзор исследования**». Второй раздел – «**Формирование этнолингвистических представлений в истории лингвистических учений**». В данном разделе анализируется формирование и развитие этнолингвистического представления в учениях античного языкознания, которые еще не были признаны наукой. Подчеркивается, что лингвистика прошла долгий путь от идеи до превращения в самостоятельную науку. Этот путь был проанализирован лингвистами всего мира, и

был создан ряд оригинальных теорий и идей. Хотя истоки этнолингвистики связаны с теорией лингвистической относительности Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, известной как гипотеза Сепира-Уорфа, истоки этнолингвистики прослеживаются в глубь веков. То есть, по мнению Е.В. Перехвальской «...идеи Э. Сепира покоились на солидном фундаменте¹⁶» и оно появилось не на пустом месте.

Лингвисты отмечают, что в далёком прошлом человеческое понимание языка и его происхождения было довольно наивным. То, как меняются человеческие представления, а также эволюция языка и его связь с культурой и духовным наследием, является ключевым вопросом для этнолингвистической мысли. Споры древнегреческих философов (спор Кратила, Гермогена и Сократа об истине и правильности имён в произведении «Диалог» Платона) послужили основой для этнолингвистических вопросов. Стоические представления о внутренней и внешней речи также считаются очень важными для этнолингвистики. Языкознание Древнего Рима также внесло значительный вклад в формирование этнолингвистического мышления. Нужно отметить и о вкладе реалистов и номиналистов средневековья в формирование этнолингвистических представлений. Расцветом этого периода стали идеи рационалистов Антуана Арно и Клода Лансло.

Третий раздел **«Формирование этнолингвистических размышлений как один из областей науки (XVIII–XXI вв.)»** состоит из трёх подразделов. В первом разделе анализируются этнолингвистические идеи в трудах известных европейских ученых XVIII–XXI веков, обсуждаются идеи и теории, связанные с изучением национального языка и идентичности, и языка, и восприятия окружающего мира. Первые этнолингвистические идеи развивали в своих трудах ученые И. Г. Гердер (XVIII век) и В. фон Гумбольдт (XIX век). В. Гумбольдт считал формирование мировоззрения языка выше средств общения и называл его «духом народа». «Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда своё мышление поставит в связь с общественным мышлением¹⁷». То есть, все что появляется в мышлении, уме и душе народа, выражается языком. Здесь В. Гумбольдт под выражением «дух народа» имел в виду «способ мышления народа», который рождает язык. Эти рассуждения В. Гумбольдта затем продолжались в произведениях Ф. Буслаева, А. Афанасьева и А. Потебни, но пик данного вопроса, связанного с возникновением этнолингвистики, тесно свя-

¹⁶ Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Юрайт, 2019. – 351 с – С.88.

¹⁷ Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – 452с – С.60.

зан с именами американского антрополога Франса Боаса и его учеников Эдуарда Сепира, Бенджамина Ли Уорфа и других.

Таким образом, в этом подразделе говорится о формировании этнолингвистики во Франции и Польши, а также других странах Европы, такие как Германия, Болгария, Словакия и Чехия, где исследованию этнолингвистики придавалось особое значение.

Во втором подразделе этого раздела рассмотрены этнолингвистические взгляды в Америке. В Америке этнограф Франц Боас и известный лингвист и этнограф Эдуард Сепир одними из первых обратили особое внимание на изучение неродных языков, культур и традиций коренных американцев Северной Америки.

Фундаментальное исследование этих ученых закладывают прочную основу для изучения этнолингвистики. Сепир исследовал связь между языком и культурой, выявляя их разные позиции по отношению друг к другу. Он подчеркнул: «Два языка никогда не будут настолько похожи, чтобы их можно было рассматривать как средство той или иной социальной реальности. Миры, в которых живут разные общества – это разные миры и, конечно, не один и тот же мир, созданный зрением¹⁸». Усовершенствовав теорию Ф. Боаса и Э. Сепира, их ученик Б. Уорф, назвал их неоспоримым доказательством, который известен в лингвистике как «гипотеза Сепира-Уорфа» или «теория относительности». Он подчеркивает, что язык, традиция, обычаи, вера и искусство для этнолингвистического исследования в двух случаях – диахронном и синхронном – играют важную роль в восстановлении древней связи между языком и народом, народными языками и традициями¹⁹.

Затем другие американские лингвисты, как Хойджер, Клакхон, А. Л. Крёбер, Ч. Ф. Вёлгин, Харрис, У. Гуденаф и другие, занимаясь этнолингвистическим исследованием, убедились, что лучший способ ознакомления и познания культуры осуществляется только посредством языка. Они подчеркивали, что только через язык можно понять концептуальное понимание людей, то, как они описывают окружающую их природу и общество.

В третьем подразделе рассмотрены этнолингвистические взгляды лингвистических школ Советского Союза и постсоветских стран. Во второй половине XX века и начале XXI века вопрос об отношениях языка к культуре и народности находился в центре внимания исследователей и считался одним из ключевых тем этнолингвистики. В этот период в области этнолингвистики в русском языкознании был проведен ряд научных исследований такими

¹⁸ Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии (пер. с англ.) / Э Сепир. – М.: Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1993. – 464 с - С.97.

¹⁹ Уорф, Б. Отношения норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике: сб. науч. ст. (пер. с англ.). – Вып.1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 135 – 168.

учеными, как Л. Н. Виноградовой, А. В. Гуром, А. Ф. Журавлевым, Вяч. Вс. Ивановым, М. М. Копиленко, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитиной, Н. И. Толстым, С. М. Толстой, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским, А. Т. Хроленко, А. С. Гердом, Т. В. Цивьяном, О. А. Черепановой, А. В. Юдиным, Е. В. Перехвальской и др. Нужно признать, что этнолингвистика в других республиках Советского Союза, в том числе и в Таджикистане формировалась лишь под воздействием русской лингвистики.

Основу этнолингвистики в русской лингвистике заложил Н. И. Толстой своими интересными научными трудами и смог создать свою научную школу. Н. И. Толстой создал определенный образец этнолингвистики, который стал основой для дальнейших исследований в его научной школе. Введение в изучение славянской народной культуры лингвистическими методами, основанными на историческом (диахроническом) и генетическом аспектах, содержание предлагаемой конструкции Н. И. Толстого. Н. И. Толстой акцентирует внимание на этом вопросе.

В начале XXI века представители Московской школы этнолингвистики опубликовали ряд научных изысканий. В то же время исследователи отдела иранских языков Московского института языкознания АН РФ также уделяли внимание этнолингвистическому изучению иранских языков, особенно таджикского и бадахшанских (памирских) языков. В этом направлении опубликованы научные труды Дж. И. Эдельман, Б. Б. Лашкарбекова, Л. Р. Додихудоевой, З. О. Назаровой и др., которые также способствовали формированию таджикской этнолингвистики.

В данном подразделе рассмотрены изучение языковых аспектов культуры – этнолингвистики других государств Советского Союза и постсоветских стран – Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии.

Четвёртый раздел этой главы **«Проблемы исследования этнолингвистики и его методы»** также состоит из трёх подразделов и отдельных пунктов. Необходимо отметить, что этнолингвистика имеет ряд особенностей, анализ и решение которых требуют применения определенных подходов и методов. Важнейшими проблемами, связанными с этнолингвистикой, являются когнитивные вопросы (познание) и коммуникации разных этнических групп в обществе. Область когнитивистики начала работать в начале XXI века и стремительно развивается в современное время. Это относится ко всем наукам, включая психологию, информатику и так далее, ушел корнями в лингвистику, и когнитивные проблемы затронули некоторые области лингвистики. Этнолингвистика одна из областей лингвистики, которая нуждается в когнитивном исследовании. Научное когнитивное направление в основном изучает мыслительную деятельность народа. Поэтому, по мнению Е. В. Перехвальской: «Этнолингвистика оперирует многими важнейшими для когнитивных исследований терминами и понятиями: *картина*

*мира, когнитивная метафора и метонимия, народная таксономия, ключевые слова, прототипы*²⁰».

Вопрос о важности умения человека говорить и в то же время того, что его язык отражает и воплощает в себе определенную культуру, требует специального исследования. Вопрос о восприятии окружающего мира является общим для носителей всех языков и культур, и вопрос о том, в какой степени они классифицируются в этнолингвистике под влиянием лексико-грамматических правил, стал одним из важнейших вопросов.

Проблема «языковой картины мира» считается другой важной проблемой этнолингвистики. Термин «языковая картина мира» обычно охватывает все знания человека, народности, племен (этносов) и мировое общество об объективной реальности. Под термином «языковая картина мира» имеется в виду общий образец или форма, которая отражается в мышлении людей, несмотря на то, что они выражаются на разных языках.

Проблема обстоятельства и положения, деятельности языка в обществе, его использование среди разных этнических групп, положение разных географических ареалов, отдельных регионов и стран мира являются важными вопросами лингвистики.

Первый раздел посвящен теории лингвистической относительности Сепир-Урфа, а второй раздел посвящен проблеме этнического менталитета и национальной ментальности. «Национальная мысль» и «национальная ментальность» – важные вопросы, непосредственно связанные с этнолингвистикой. Это связано с тем, что базовыми единицами этнолингвистики являются мышление, интеллект, память и мудрость народа или отдельного этноса.

Очевидно, что роль языка в формировании национальных мыслей и представлений очень эффективна и значительна. Нация мыслит в рамках своего национального языка, и это мнение формирует языковую картину мира и национальный образ мира нации, являющийся достоянием нации и языком нации. Следует отметить, что основной причиной формирования «национальной идеи», которая порождается в этногенезе, являются культурно-исторические и природные факторы. Корни национальной идеи сохраняются на протяжении всей истории этноса, несмотря на то, что язык этноса развивается и меняется. Но связь между ними, то есть мыслью и языком, не прерывается. Национальная идея, которую также можно назвать национальным менталитетом, всегда будет храниться в национальной памяти. Познание мира и окружающего мира, языковая и национальная картина мира находятся в рамках соотношения национального языка и мышления.

---

²⁰ Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Юрайт, 2019. – 351 с – С.35.

Третий подраздел освещает проблему этнолингвистического картографирования – важнейшего метода исследования этнолингвистики. Этнолингвистическое картографирование является составной частью лингвистической картографии, которая, в свою очередь, представляет собой метод обработки языковых материалов, основанных на регистрации фонетических, лексических и грамматических единиц языка и его приемов в зависимости от степени их распространения. Важным вопросом этнолингвистического картографирования является воплощение мифологических персонажей в языке. Для этнолингвистической картографии имена мифологических персонажей и их отношения с образами находятся на первом месте. В таджикской мифологии можно встретить имена персонажей и их отношения, часть которых отражают добро, а часть – зло. Мифологические персонажи в воображении таджиков выражаются по-разному. Для отражения имен мифологических персонажей в этнолингвистической картографии они классифицируются в зависимости от территории распространения и внешних признаков. Например, мифологические персонажи, которые отражают человеческий облик – антропоморфические (Баба Яга, *бибисешанбе* – бабушка-вторник, *аджина* - злой дух, *пери* - фея, *дев* - бес), птиц и животных – зооморфические (*аждаҳо* - дракон, *симург* – птица феникс), природные явления - (*бод* - ветер, *ҳаво* - погода, *хунукӣ* - холода) – метеорологические (*девбод* - ветер, *хути бадбурӯт* - погода, *сиёҳӣ* – темень) и другие, выражаются по разному и специальными терминами в бадахшанском и ягнобском языках. Хотя в таджикском языкознании еще не разработано этнолингвистическое картографирование и не составлены отдельные этнолингвистические карты, отдельные исследования в этой области всё же проводились. В частности, в таджикской лингвистике и этнографии, сосредоточив внимание на вопросах картографии, лингвистической географии и региональной лингвистике российские исследователи М. С. Андреев, И. И. Зарубин, И. М. Оранский, В. С. Расторгуева, Дж. И. Эдельман, А. А. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский, А. З. Розенфельд и таджикские исследователи Р. Х. Додихудоев, М. Эшниёзов, Ш. Исмоилов, Н. Офаридаев, З. Мухторов, А. Мирбобоев и другие высказали свое мнение. Используя картографические методы точно были исследованы территории употребления и напечатаны термины и реалии, которые относятся к разным культурам. Выявлены методы картографии – анкетирование, непосредственная беседа с говорящим для определения местного произношения, изоглосса для выявления распространения языковых явлений (в том числе ономастика, диалектизмы, этнографические слова и др.) для определения границ между культурами разных этносов и установить историко-культурную самобытность и формирование языка этносов.

Пятый раздел первой главы называется «**Источники исследования этнолингвистики**». К источникам исследования этнолингвистики в основном

относятся фольклорные, этнологические (этнографические), мифологические, диалектические (особенно лингвистические атласы и карты), ономастические, лексикографические, лексические, фразеологические материалы, классические художественные произведения, мемуары. Материалы данных областей считаются самыми надёжными для исследования этнолингвистики, исторические материалы являются бесценным источником.

Вторая глава диссертации «**Картина мира: классификация и важнейшие вопросы её изучения**» состоит из трёх разделов, подразделов и отдельных пунктов.

Первый раздел озаглавлен «**Обзор исследования: понятие картина мира**». Во втором разделе «**Классификация и вопросы изучения картины мира**» описываются данные по описанию картины мира и его классификация по разным группам. Картина мира – это совокупность знаний и практики человечества в течение жизни, которая как личность может ознакомить человека или может отражать интеллект, мышление общества, народности, народ, национальность.

Картина мира в мышлении людей не одинаково, поэтому исследователи разделили их на несколько видов.

В связи с классификацией картины мира, которой занимались учёные разных областей, мы признаём два вида картины мира с точки зрения В. фон Гумбольдта, З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Но эти исследователи картину мира называли непосредственным и опосредованным. Не соглашаясь с точками зрениями данных исследователей мы их назвали: 1) внеязыковая (независимая) картина мира и 2) языковая (косвенная) картина мира. Языковую картину мира, в свою очередь, можно разделить на: 1) национальную картину мира; 2) философскую картину мира; 3) научную картину мира. Также национальную картину мира мы разделили на: 1) обиходную картину мира; 2) мифологическую картину мира; 3) художественную картину мира.

В первом подразделе описывается «**Неязыковая картина мира**». К неязыковой картине мира относится та, в которой язык человечества, то есть система знаков языка не играет никакой роли. Он воспринимается непосредственно в сознании людей. Данное описание З. Д. Попова и И. А. Стернин называли непосредственной картиной мира и подчеркивали, что такая картина играет огромную роль. Эту картину исследователи также называли когнитивной картиной²¹ или концептуальной картиной мира^{22;23}. Концепция неязыковой картины мира подходит к точке зрения В. фон Гумбольдта и сто-

²¹ Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. / З. Д. Попова, И. А. Стернин – М., 2007. – 314 с – С. 6.

²² Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие, 3-е изд. / В. А. Маслова. – М., 2008. – 272 с – С. 50.

²³ Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд – СПб, 2005. – 457с – С. 59.

ронников его идей (Вайсгербер и другие) о внутренней форме языка, с одной стороны, и американская этнолингвистическая идея, особенно гипотеза о языковой относительности Сепира-Уорфа, с другой²⁴.

По мнению этих исследователей, окружающий мир, то есть реальный мир невозможно представить без языка. В этом случае язык – случайное средство решения особенных задач являются интеллект и связь. Действительно, «реальный мир» строится в языковых традициях той или иной общественной группы. Под термином «реальный мир» Э. Сепир понимал «средний мир» на основе точки зрения В. фон Гумбольдта как «язык – это мир, находящийся среди мира внешней новизны и внутренний мир человека²⁵», то есть имел в виду специальный мир между внешним миром, существовавшим независимо от нас и внутренним миром внутри нас, который связывает язык с интеллектом, мышлением, общественным и профессиональным явлением. Все, что происходит во внутреннем мире человека, есть образ, реализуемый

²⁴ Матрбов С. Қ. Мачмуаи таълими-методӣ аз фанни «Этнолингвистика (забоншиносии қавмӣ)» / С.Қ.Матробиён. – Душанбе, 2011. – 50 с. – С.3.

²⁵ Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт. – М., 2000. – 400 с. – С.304.

без знаков языка. Когда человек отображает внутренние образы в устной форме, язык описывает их через свою систему знаков, которую мы называем языковой картиной мира.

Язык (или правильнее языковые знаки) это прежде всего средство общения человека, и он слышится. Неязыковое описание мира человек не слышит, но познаёт посредством чувствительных органов.

В подразделе **«Концептуальная (когнитивная) картина мира и его связь с этнолингвистикой»** анализируются точки зрения исследователей по концептуальному и когнитивному описанию. Концептуальная картина мира является определённым порядком защиты и разработки информации в сознании человека, и он может иметь языковое отражение, выражаться посредством языка. По данному вопросу Б. Серебренников разграничивает концептуальную картину мира и языковую картину мира и считает их отдельными. «Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, потому что в ее формировании во многом участвуют разные типы мышления²⁶».

Концептуальную картину мира с этнолингвистикой связывают концепты. Безусловно, концепт основная единица когнитивной лингвистики, но он может стать основной темой разных направлений лингвистики по их решенным вопросам. То есть, если концепт используется для познания окружающего мира, то он в тоже время может употребляться для исследования культурных и научных аспектов в лингвистике народности (этнолингвистике). Нужно отметить, что в этнолингвистика изучает воздействие концепта и особенности познания окружающего мира, рассматривает связь этих процессов с культурой и обществом. Такое направление изучения Е.В.Перехвальская назвала «когнитивной этнолингвистикой²⁷».

Во втором подразделе анализируется **«Языковая картина мира»**. Основу картины мира составляет язык. Те представления и мысли, которые человек имеет об окружающем мире, выражается языком и переходит из поколения в поколение. То есть, язык не только средство общения между людьми, но также является средством передачи описания мира носителей языка. Также язык – важнейший метод усовершенствования знаний человека. Но воспроизведению картины мира способствуют не только знания, но и вера, мысли, оценивание. Языковая картина мира формируется в результате такой деятельности, в процессе жизни постоянно пополняется и изменяется.

Представление о картине мира, описываемом языком, по словам В. фон Гумбольдта, его последователей проанализированы и в их трудах о внутрен-

---

²⁶ Серебренников, Б. А. Как просиходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: “Наука”, 1988. – С. 87 – 107. – С.107.

²⁷ Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Юрайт, 2019. – 351 с. – С.121.

ней форме языка. Также эта идея используется в гипотезе лингвистической относительности Сепир-Уорфа и в работах Л. Вайсгербера²⁸.

Нужно отметить, что языковая картина мира – это совокупность человеческих знаний об окружающем мире, они называют их, отражаются в лексике, фразеологии и грамматике и передаётся из поколения в поколение. Некоторые лингвисты отмечают различия между языковым описанием мира и лингвистическим описанием мира, подчёркивают, что «лингвистическая картина мира отражает логическую семантику, языковая картина мира отражает языковую семантику²⁹». Действительно, языковая картина мира не должна обозначать лингвистические аспекты, но этот термин нужно считать порядком, который имеет свои особые признаки.

Согласно приведенной выше классификации, мы показали языковую картину мира как вид образа мира и противопоставили ей неязыковую (или внутреннюю) картину. Мы сделали такую классификацию, основываясь на мнении исследователей, считающих языковую картину мира более ограниченной, чем неязыковую картину. Хотя они и не видят понятия «неязыковой картины мира», все думают, что не все понятия могут иметь языковое выражение в языковой картине мира. Отсюда следует, что те понятия и представления, которые не укладываются в языковые рамки и не могут иметь языковой модели, можно назвать неязыковыми или внутренними картинами мира. Как выясняется из вышеуказанных анализов, исследователи выражают разные точки зрения и некоторые из них языковую картину мира также классифицируют как «обиходно-языковую картину мира³⁰». Но мы думаем, что языковая картина шире по сравнению с обиходными картинами и является национальной, философской и научной. Так как данные описания осуществляются посредством языка и языковых единиц. До того времени, когда они не произносятся и не приобретают языковую форму, они как описание для других не выявляются и не могут описать взгляды других. То есть остаются как концептуальное описание. Теория Т. В. Цивьян в данном случае замечательна: «Только язык способен описать картину мира с любой степенью детализации. Язык оказывается посредником при переходе от одного кода на другой³¹». Языковая картина мира представлена в виде системы образов в рамках антропоцентрического метода, включающего в себя как окружающую действительность, так и красочное воображение, фантазии.

²⁸ Матроров С. Қ. Мачмуаи таълими-методи аз фанни «Этнолингвистика (забоншиносии қавмӣ)» / С.Қ.Матробиён. – Душанбе, 2011. – 50 с. – С.8.

²⁹ Яхонтов, С. Е. Оценка степени близости родственных языков. Теоретические основы классификации языков мира / С. Е. Яхонтов. – М., 1980. – С. 148-157. – С.26.

³⁰ Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Юрайт, 2019. – 351 с. – С.309.

³¹ Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской картины мира / Т.В. Цивьян. – М., 1990. – С.32.

Поэтому эти образы как национальные, обиходные, мифолого-религиозные, художественные, философские и научные образы в рамках языковой картины мира описываются в отдельных параграфах.

В третьем разделе данной главы «**Языковая картина мира таджиков: национальные картины**» проанализирована одна из языковых картин мира – национальная картина мира таджиков. Национальная картина мира, которая по квалификации является составной частью языковой картины мира, подразделяется на обиходную, мифолого-религиозную и художественную.

Очень простое понимание миропознания, которое отражается в национальной картине мира, играет ключевую роль в различных единицах языка, особенно в лексикологии и даже в грамматике. Национальная картина мира формируется через единицы лексикологии, то есть: лексика, фразеология, топонимика, антропонимика, также культура речи, художественные тексты, концепты и другие.

Среди других исследований, проводимых в таджикском языкознании, важное место заняло изучение и интерпретация национальной картины мира таджиков. В частности, сравнительное изучение лексики имеет особое значение, так как сравнение фразеологизмов также является его частью. Целью такого исследования является определение эквивалентности и неравенства лексики в других языках. Это означает, что национальные языки имеют свои отличительные образы, чего нет в других языках. Поэтому возникает необходимость использовать реалии и концепции. Таких реалий и понятий в таджикской национальной картине много.

Обиходная картина мира таджиков. Обиходная картина мира отражает ту же простую картину мира, которую люди используют в своем повседневном общении. То есть у людей такое же представление о мире, как они видят своими глазами. Обиходная картина мира – это знания и представления обычных людей о природе и окружающем мире. В обиходной картине мира есть древнее представление, которое ярко отражено в нашем разговорном языке. Например, если рассматривать употребление глаголов по отношению к действию солнца, дождя и их предметов в таджикском языке и некоторых бадахшанских (ваханском, шугнанском) языках, то в обычном описании таджиков глаголы *баромад* «взашло», *нишаст* «село» относятся к солнцу и луне, а иногда и к звездам, глагол «*борид* (идти (об осадках))» относится к снегу, дождю, граду. Например, в **таджикском языке**: *офтоб баромад* (солнце *взошло*), *офтоб расид* (букв. *прибыл*; в знач. *взошло*), *офтоб нишаст* (букв. *приземление*; в знач. *солнце закатилось*), *офтоб фуру рафт* (букв. *приземление*; в знач. *солнце закатилось*) (затем на основе арабских заимствованных слов появились в других описаниях: *офтоб тулуъ кард* (солнце *взошло*), *офтоб гуруб кард* (солнце *закатилось*); в **ваханском языке**: *ир нийџити «офтоб баромад»* (солнце

взошло), *ир ғатэй «офтоб расид»* (взошло), *ир вйишти «офтоб нишаст»* (солнце закатилось) (корень слова *вйишти* взят из древнеперсидского *abi-siya* <*i-sa <ау «рафтан», то есть пойти вниз; *ир нэйнаёй «офтоб нишаст»* (солнце закатилось); в **шугнанском языке**: *хир нахтуйд «офтоб баромад»* (солнце взошло), *хир пал чуд «офтоб нурпоиш мекунад»* (солнце светит), *хир нуст «офтоб нишаст»* (солнце закатилось) и другие.

Нужно отметить, что заимствование слов воздействует на картину мира владельцев языка. Например, слова *тулуъ* (восход), *зуруб* (закат), заимствованные с арабского языка, воздействовали на картину мира таджиков и в таджикском языке звучат в форме *офтоб тулуъ кард* (солнце взошло), *офтоб зуруб кард* (солнце закатилось), в которых описание совсем другое. Приведём несколько примеров из «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: *тофтани офтоб* (сияние солнца), *дур гаитани офтоб* (отдаление солнца), *сари найза баланд шудани офтоб* (солнце стало пробиваться), *ба ҳомун дурафи задани хуршед* (солнце сияет на равнине) и другие.

В обиходной картине мира сохранились древние и интересные описания, которые до сих пор выражаются в речи. Невозможно не согласиться с точкой зрения Д. Апресяна по данному вопросу, который подчеркнул: «обиходная картина никак не является простым явлением, во многом она сложнее и интереснее научного описания³²». Действительно, если рассмотрим такое описание в примере «*гирифтани мохтоб»* или «*офтоб»* (лунное или солнечное затмение) в таджикском языке и бадахшанских языках, то станет ясно, что в этом изображении есть удивительное явление, которое веками присутствовало в таджикском языке. Очень простая речь в таджикском языке: *мохтобро гирифтаанд* (затмилась луна) или *офтобро гирифтаанд* (затмилось солнце) и это описание в наши дни распространено в таджикском научном языке в форме *гирифти мохтоб // гирифти офтоб* (лунное затмение // солнечное затмение) (несмотря на то, что иногда используются арабские слова *кусуфу хусуф* (затмение солнца и луны). В представлении древнего народа якобы дракон глотает луну или солнце и держит зубами, но с научной точки зрения это не так.

Обиходная картина мира преимущественно встречается в простых предложениях и фразеологизмах. Фразеологизмы являются самыми увлекательными обиходными картинами мира, которые выражаются при помощи лексических средств (лексическое, грамматическое, стилевое) и сохранили в себе древнее познание и древние данные по опыту жизни предков. Например, самое известное фразеологическое выражение в таджикском языке «*гурги борондида*» (тёртый калач) (букв. волк, переживший дождь) употребляется в значении «опытного человека». В данном фразеологическом обороте отра-

³² Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т.1. / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – 472 с. – С.630.

жается природная картина мира таджикского народа. Волк в картине таджикского народа дикое животное, но вынослив к морозу. Окружающая среда, в которой живет таджикский народ тысячелетиями, волк также как дикое и хищное животное, живет по соседству. Люди, конечно, страдают от присутствия этого хищника. Даже в некоторых населенных пунктах, где живет таджикоязычное население и говорят на бадахшанских языках, произношение слова *гург* «волк» считают табу и его заменили другим словом, то есть вместо него появился эвфемизм.

Лексика зооморфизма и фитонимы в таджикском языке и бадахшанских языках кроме основного смысла имеют дополнительный смысл (коннотация) и эти дополнительные смыслы появились в результате опыта народа и прибавили к лексике языка еще одну обиходную картину. Например, овца, осёл – глупый, невежда; лев – смелый, храбрый; волк – способный, опытный; собака – болтун, драчливая; лиса – хитрая; корова – трудолюбивая; заяц – трус; козёл – трус, малодушный; ворона – приносящая дурные вести; гриф, стервятник, коршун – взяточник; сокол – охотник; куропатка – красивая, обходительная; обезьяна – клоун, несообразительная; слон – огромный; рыба – кроткая, спокойная, немногословная и другие. Данные зооморфизмы отражают особенности человеческого характера в обиходной картине, но в художественной картине некоторые животные приобретают положительную особенность, некоторые – отрицательную. Например, собака, если в обиходной картине отражает значение болгуна, драчливости, в художественной картине выражает такие свойства, как верность, удовлетворённость. Коннотации, относящиеся к зооморфизмам в языковой картине таджиков, и у говорящих на таджикском языке, и у говорящих на бадахшанских языках отражается одинаково, но слова, обозначающие названия животных, птиц на этих языках звучат по-разному.

Мифологическая картина мира таджиков. Мифологическая картина является очень древней, которая рядом с этносом прошла различные этапы истории и дошла до наших времён. Таджикская нация, имеющая древнюю историю, сохранила древнюю мифологическую картину, которая совпадает с мифологической картиной мира древней нации и народов мира. Например, М. С. Андреев в своей статье «Из материалов по таджикской мифологии», проанализировав духовный мир мыслей и воображений таджикского народа, подчеркивает мифы про Небо (образ отца), Землю (образ матери) и Млечный Путь, и в этой связи разделение времён года на мужской род (зима и осень) и женский род (весна и лето) в их древних убеждениях. Также автор сравнивает данное убеждение с народным воображением паштуговорящих Афганистана и киргизов. Также автор приводит интересные сведения о Древнем Боге грома (грома и молнии) и Бабе-Яге. В конце он делает вывод, что вера в Млечный Путь распространяется только на тех, кто занимается земледелием

и дехканством, и что такие люди – единственные таджики, являющиеся древнейшими жителями Средней Азии.

Действительно, миф возникает вокруг профессий и специальностей, которые имеют тесную связь с повседневной жизнью народа. Среди горных таджиков наряду с тем, что они были заняты в сельском хозяйстве, также и сочиняли, и творили множество мифологических образов и сказаний об охоте.

В мифологической картине мира таджиков в основном участвуют отрицательные персонажи мифологии, такие как *дев* – демон, *чин* – джин, *парӣ* – пери, *алмастӣ*/*албасти* – злой дух, *ачина* – ведьма, *аждаҳо* – дракон, *сиёҳӣ* – чернота, *махлук* – существо, *ачузкамтир* – баба-яга и положительные персонажи *фаришта* – ангел, *арвоҳ* – дух, а также сказочные личности *шоҳ* – шах, *подшоҳ* – падишах, *шоҳзода*, *шаҳзода* – принц, принцесса, *вазир* – везир и воображаемые местности (например, гора Каф (берет корни со слова *kaufa* – *кӯҳ* «гора»). Мифологические персонажи и воображаемые места действия рассмотрены и анализированы в статьях А. З. Розенфельд³³, Дж. И. Эдельман^{34;35;36}, Е. К. Молчановой^{37;38}, Л. Р. Додыхудоевой³⁹ и других.

Сохранившиеся мифы таджикского народа являются единственным свидетелем картины мира народа, которые пришли к нам из прошлых веков. Мифологическая картина мира таджиков показывает отношения таджикского народа к природе, окружающему миру, живым существам и наконец к самому человеку. В мифологической картине таджикского народа человек – священное существо и всегда побеждает отрицательные персонажи.

³³ Розенфельд, А. З. Дарвазский фольклор / А. З. Розенфельд // Страны и народы Востока. Вып. X. – Москва: «Наука», 1971. С. 208 –217.

³⁴ Эдельман, Д. И. К возможностям верификации исторических гипотез / Д. И. Эдельман // Бюллетень Общества востоковедов РАН. – Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции "Востоковедные чтения 2008": Москва, 8-10 октября 2008 г. – М., 2010. – С. 519-529.

³⁵ Климов, Г.А., Эдельман, И.Д. К этимологии Albasty / Г.А. Климов, И.Д. Эдельман // *Almasty* (статья) // Советская тюркология. – Баку, 1979, № 3. – С. 57-63.

³⁶ Эдельман, Д. И. Еще раз о славянском *диге* и иранских *дэвах* // Язык. Личность. Сб. статей к 70-летию Т.М.Николаевой. –М., 2005. – С. 533 –540.

³⁷ Молчанова, Е. К. Албасты и Кивина в иранской мифологии, или Кто вредит роженицам и новорожденным / Е. К. Молчанова // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки / Отв. ред. выпуска А. И. Коган; ред.-сост. А. С. Панина. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 242 - 246.

³⁸ Молчанова, Е.К., Мейтарчян М.Б. К этимологии названий нечистой силы в иранской мифологии / Е. К. Молчанова, М. Б. Мейтарчян // Актуальные проблемы иранской филологии. К 90-летию доктора филологических наук, профессора Рахима Халиловича Додыхудоева. – Душанбе, 2019. – С. 194-202.

³⁹ Додыхудоева, Л. Р. Интертекстуальный диалог в ираноязычном фольклоре Центральной Азии: источники сложения и особенности описания персонажей волшебных сказок / Л. Р. Додыхудоева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.6, №3. – Москва, 2020. – С. 112-126.

Некоторые имена мифологических персонажей у таджиков выражены со временем. Например, демон по имени Заирич сейчас существует только в ваханском языке в форме «зэрич», что означает «голодный; двух-, трехдневное голодание», но в Авесте его именем назван этот демон, наводящий голод: «Заирич: (в пехлевийском Зариз), - имя одного из камоладэвов (великих помощников и клерков Ахримана). Имя этого демона означает «желтый» или «зеленый» и называется демоном голода, чье имя всегда идет от Таурви (жаждущий демон)⁴⁰».

Художественная картина мира таджиков. Художественный текст является основой национальной и языковой картины, которая отражает обычную жизнь народа, национальный менталитет, традицию и обычаи, религию и историю. Конечно, художественные тексты представляют собой произведения искусства. Поэтому художественное произведение можно назвать частью национальной культуры и жизни народа, они взяты из картины мира носителей языка и имеют с ним крепкую связь, раскрывая дорогу к национальным представлениям и идее нравственности и эстетики народа. Что еще более важно, совокупность этих событий и явлений отражаются через национальный язык.

В материальной и моральной сокровищнице таджикского народа художественные тексты, составляющие художественные произведения, находятся в таком изобилии, что, наверное, мало кому из народов мира досталось такое богатство. Художественное наследие таджикского народа состоит в основном: 1) произведений доисламского периода, 2) произведений X – XIX веков, известных как классические произведения и 3) произведения современного периода, охватывающих советскую эпоху и годы Независимости страны. В эти три исторических периода, если изменились лингвистические и религиозные картины, то национальная и языковая картина, и даже мифологическая не только не изменилась, но к ним еще и добавились новые картины мира. Языковая картина менялась в ходе истории в связи с фонетической, лексической и грамматической эволюцией таджикского языка и бадахшанских (памирских) языков. Однако языковой образ, сопровождающий таджикский народ из глубины истории, сохранился до наших дней. То есть изменение формы слова или структуры предложения не означает изменения языковой картины. Поэтому национально-языковая картина мира таджиков остается такой же, какой она была тысячи лет назад.

Художественные тексты, в частности, анализируются и рассматриваются с лексико-семантической и грамматической точек зрения и представляются как стиль и язык того или иного писателя или поэта. Действительно, худо-

---

⁴⁰ Авасто. Китоби 1. / Таҳияи Бобоназар Ғафор, Мухтарам Ҷотам, Муаззами Диловар. – Душанбе: «Бухоро», 2014. – 839 с. -С.680.

жественный образ – это неповторимый образ, принадлежащий писателю или поэту. Но своеобразие жизни отражается в художественных текстах с учётом всех культурных, религиозных, мифологических структур. Язык писателей – это язык, который помогает определить обиходную картину мира носителей языка. Потому что каждый писатель – дитя своего времени и в своих произведениях он отражает жизнь своего времени.

Метафора занимает ключевое место в художественном произведении, она играет значительную роль в формировании языковой картины мира, так как является «средством формирования мира глазами мастеров речи⁴¹».

Третья глава **«Теоретические и практические этнолингвистические исследования в таджикском языкознании»** состоит из 5 разделов, которые в свою очередь состоят из подразделов и параграфов.

Первый раздел посвящен «Обзор исследования». Во втором разделе **«Источники исследования таджикской этнолингвистики»** представлена информация об основных источниках этнолингвистического исследования в таджикском языкознании. Первый источник, дающий сведения в качестве этнолингвистического материала о языке и обычаях таджикского народа, дошел до нас в виде легенд и мифов. Однако следует отметить, что все эти материалы проанализированы с точки зрения различных наук и различных областей языкознания, и сведений об их этнолингвистических аспектах до сих пор очень мало, чего недостаточно для (этнолингвистического) исследования.

Для исследования картины мира предков таджиков мы можем посредством этнолингвистических поисков и множество материалов осведомиться и в письменной, и в устной форме о жизни и быте, культуре, обычаях и традиций, важнее всего об их взглядах на мир.

В зависимости от этого источника таджикское этнолингвистическое исследование делится на три части:

1. **Устные источники:** мифы и легенды, пословицы и поговорки, фразеологизмы, мифологические персонажи, топонимы, и антропонимы, названия флоры и фауны.

2. **Национальные праздники и обычаи, народные обряды и хозяйственная терминология:** проведение национальных праздников, особенно Сада, Навруз, Тиргон, Мехргон и другие торжества и праздники являются видным образцом мышления предков таджикского народа. Национальные праздники играют большую роль в возрождении национального мышления, и они являются важнейшей темой исследований в этнолингвистике. Потому что в этих праздниках сохранились слова и термины древнего происхождения, они возрождают языковую картину

⁴¹ Кисляков, Н. А., Писарчик А. К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с. – С. 230.

мира данного народа, и с процветанием и развитием языка приобретали новые формы.

3. **Письменные источники.** От Авесты и наскальных надписей до создания словарей и других произведений они являются лучшим и ценнейшим источником исследований и важных этнолингвистических трудов по таджикскому языкознанию. Поэтому мы делим письменные источники, в которых формируются этнолингвистические представления, на два этнолингвистических периода:

- письменные источники начала национальных традиций (до VIII – IX веков);

- письменные источники нового периода (X – XXI вв.).

Третий раздел данной главы «**Формирование таджикской этнолингвистики**» состоит из подразделов «**Письменные источники начала национальных традиций (до VIII – IX веков)**» и «**Письменные источники нового периода (X – XXI вв.)**».

В первом подразделе рассмотрели письменные источники начала национальных традиций, которые охватывают периоды до VIII – IX веков.

Со времени появления первых признаков надписей у арийских народов надписи, прежде всего, давали сведения о жизни и быте царей и их государства, и государственности. Самые ранние надписи Бехистунских гор, относящиеся к ахеменидскому периоду, являются прямым отражением древней культуры того периода. Наиболее ранними источниками истории арийских племен являются урартские и эламские надписи⁴².

Несмотря на то, что до нас дошло большое количество источников этнолингвистического анализа древнего периода современного таджикского языка, исследовательским материалом можно считать этнолингвистические вопросы, прежде всего словари («Словарь ойим евак» и «Словарь пехлеви») и монографии («Городища Ирана», «Редкостный и удивительный Сакистан») времен династии Сасанидов. Следует отметить, что в этом письменном труде есть упоминания о языке и культуре некоторых арийских народов.

Словари являются не только толкователями и передатчиками слов, но также содержат древние идеи и различные лингвистические описания прошлого. Поэтому они являются одним из источников этнолингвистических исследований, в которых можно обнаружить своеобразие представлений о прошлом, узнать об обычаях и традициях народов прошлого. Из этого следует, что словари «Словарь ойим евака» и «Словарь пехлеви» можно считать первыми этнолингвистическими трудами по языку и культуре таджикского народа арийской расы, созданными в сасанидский период. Это связано с тем,

---

⁴² Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – С. 62.

что эти словари создавались таким образом, что в новое время создаются этнолингвистические словари разных народов⁴³.

Кроме того, источником раннего периода являются религиозные и нерелигиозные произведения, панднома (книга наставлений), африны (книга благословений), словари, текст Авесты, пехлевийские переводы текста Авесты и т. д.

Во втором подразделе анализируются письменные источники новой эпохи (X – XXI вв.). Второй период, то есть новый период формирования и развития этнолингвистики в истории мышления таджикской лингвистики, который охватывает X–XXI века, является периодом изменения религиозного мышления арийцев. После принятия ислама мировоззрение людей изменится и это становится причиной формообразования языковой картины мира. Они теперь смотрели на окружающий мир другими глазами.

Религиозное мышление влияет на развитие национальной культуры и становится причиной изменения некоторых элементов национальной культуры и традиций. Ислам также повлиял на национальную культуру, традиции и обычаи арийцев и под его влиянием появились другие взгляды. Свершилось смешивание культур. Но язык как средство выражения точек зрения и передачи культурных элементов, брал на себя груз двух культур и своим существованием обеспечивал бытие культуры предков.

Формирование этнолингвистики в новом периоде рассматривается двумя способами: первый – как письменный материал отражает этнолингвистические особенности, описание мира в произведении нового времени, и другой – этнолингвистические анализы в произведениях этого времени. По классификации письменного материала в первую группу входят произведения всех писателей и поэтов, начиная с Рудаки до писателей и поэтов начала XXI века. В произведениях писателей и поэтов X–XX веков, которые используются как материал для этнолингвистического анализа, можно найти информацию о мировоззрении, мифическом и религиозном понимании, их взгляды на окружающий мир, в конечном итоге о материальной и духовной жизни и быте предков.

Древние словари, являющиеся зеркалом жизни и быта таджикского народа, открыли широкий путь для этнолингвистических исследований, особенно для культурологов и этнолингвистов.

В четвертом разделе **«Исследование этнолингвистических вопросов на основе науки этнографии и фольклора»** рассматриваются материалы, разработанные этнографами и фольклористами. Данный раздел состоит из двух подразделов.

---

⁴³ Андреев, М.С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М. С. Андреев // Сб. «Музея по антропологии и этнографии при АН», т. 9. – С-Пб., 1911. – 41 с.

В первом подразделе анализированы материалы таких этнографов, как Б. Л. Громбчевский, Д. Л. Иванов, А. А. Бобринской, М. С. Андреев, А. А. Половцов, К. Г. Залеман, И. И. Зарубин, А. А. Семенов, В. В. Бартольд и другие, которые для ознакомления с жизнью и бытом таджикского народа приехали в горный Таджикистан. В частности, в 70-80 годы XIX века была организована этнографическая экспедиция русскими исследователями, на которой были собраны этнографические материалы в городах Самарканд, Бухара и Фергана с таджикоязычным населением. В этом разделе анализируются только статьи и труды, которые наряду с этнографическими данными включают также лингвистические данные и анализируются с этнолингвистической точки зрения. Например, в трудах Н. А. Кислякова более 150 и в монографии М. С. Андреева более 100 собраны свадебных слов и терминов, каждый из которых представляет собой название, способ проведения той или иной свадебной церемонии, место употребления и использования свадебных слов и терминов. При сравнении разных традиций и обычаев свадьбы таджиков в местностях, находящихся в географической дальности друг от друга, а также с разными языками и диалектами, стало ясно, что некоторые слова и термины употребляются одинаково, но выражают разные значения в свадебных обычаях и традициях. Например, термин «*шаҳмард*» – жених на свадьбах таджиков, живущих на истоках реки Ому – носители ваханского языка употребляется в значении жениха, но в Раште и Дарвазе этот термин употребляют в значении «лиц, которые сопровождают жениха (примерно 30-40 молодых людей)⁴⁴». Среди таджиков – носителей ваханского языка в значении, которого употребляются в Раште и Дарвазе, используется термин «*шаҳмарддор*» или «*шончи*». На основе исследований Н. А. Кислякова термин «*шончи*» в Каратегине и Вахио употребляется в значении «*шаҳчад, дорга*», то есть лицо, которое отправляется в дом жениха от имени отца невесты оповестить о чём-то⁴⁵. На языке таджиков – носителей шугнанского языка – термин «жених» звучит как «*хунчи*⁴⁶».

Другой пример, термин «*падарарус*» – не отмечен в книге Н. А. Кислякова как свадебное слово, так среди народа Раште и Дарвазе употребляется в значении отца невесты, тестя. Но в монографии М. С. Андреева «Таджики долины Хуф (верховья Амударьи)» при рассмотрении обычая под названием «*рунамои или ружушои*» – открытие лица невесты после чтения никах, который проводится в долинах Рушана и Шугнана, подчеркивается: «Человеку, открывшему лицо невесты, присваивается статус «*падарарус*»-а – тестя и в

⁴⁴ Кисляков, Н. А., Писарчик А. К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с. – С.41.

⁴⁵ Кисляков, Н. А., Писарчик А. К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с. – С.41.

⁴⁶ Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь. Том 3. / Д. Карамшоев. – М., 1999. – 568 с. – С.288.

будущем он обращается к невесте «*му резин*» (моя дочь), а невеста обращается к нему «*му тид*» (мой папа)⁴⁷. Среди народов долины Ишкашим и Вахан он употребляется в форме «*тадархонд*» – названный отец⁴⁸.

В Булкосе, Сари Пуле и других селах Каратегина обряд прихода жениха в дом тещи назывался «*хушдомансалом*», а в Дарвозе (д. Пшихарв) – «*хушисалом*⁴⁹». Этот же ритуал популярен среди бадахшаноязычных таджиков. Шугнаноязычные и рушаноязычные таджики называют ее *хихсалом* «*хушдомансалом* - приветствие свекрови⁵⁰», но ваханоязычные таджики называют *хасарсалом* «*хусурсалом* - приветствие свёкра⁵¹».

Во втором подразделе рассматривается материал фольклористов. Фольклорные источники, наряду с лингвистическими, являются основным источником этнолингвистических исследований.

В пятом разделе «**Этнолингвистические вопросы в таджикской лингвистике**» анализируются монографии и научные статьи лингвистов в диалектологии, лексики разных областей и ономастики, которые разработаны в рамках этнолингвистических вопросов, особенно духовного наследия. Следует отметить, что, хотя круг исследований данных областей очень обширен, в данном исследовании рассматривается лишь очень ограниченная часть этих направлений – лексика духовной культуры, тесно связанная с этнолингвистикой. Оказывается, в таджикском языкознании лингвисты приложили большие усилия в этой области и смогли пролить свет на этот этнолингвистический вопрос в этих областях. Вопросы ономастики, этнографической лексики и лексикографии анализируются в отдельных подразделах и параграфах этого раздела.

Четвертая глава диссертационной работы посвящена исследованию этнолингвистических ареалов Республики Таджикистан и озаглавлена «**Этнолингвистические ареалы Таджикистана**», которая состоит из четырёх разделов и 5 подразделов.

Первый раздел посвящен «Обзор исследования». Во втором разделе анализируется вопрос свойства классификации этнолингвистических ареалов. Здесь отмечается, что этнолингвистический ареал – это территория, в

⁴⁷ Андреев, М. С. Таджики долины Хуф / М. С. Андреев / Под ред. Э. Кочумкуловой – Вып. I-II. Переизд. – Б.: «Джем Кей Джи», 2020. – 794 с. – С.173.

⁴⁸ Андреев, М.С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М. С. Андреев // Сб. «Музея по антропологии и этнографии при АН», т. 9. – С.-Пб., 1911. – 41 стр. – С.14.

⁴⁹ Кисляков, Н. А., Писарчик А. К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с. – С.55.

⁵⁰ Карамшоев Д. Шугнано-русский словарь. Том 3. / Д. Карамшоев. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 568 с. – С.212.

⁵¹ Грюнберг, А. Л., Стеблин-Каменский, И. М. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. / А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. – Москва, 1976. – 670 с. – С.215-222.

которой представители разных наций и народностей говорят на родном языке, веками жили в одном регионе и установили языковые и культурные связи друг с другом. В связи с этим в этнолингвистических ареалах этнолингвистическая классификация имеет важное значение. Так как на основе этнолингвистической классификации будут определены этнолингвистические ареалы. Этнолингвистическая классификация делится на аспекты генеалогической принадлежности языков и этнокультурной принадлежности.

Генеалогическая классификация языков используется для классификации народов в этнолингвистической системе. В классификации этнических групп язык является одним из важнейших признаков этничности. Поэтому этот аспект важен и для классификации этнолингвистических направлений. Этнолингвистической классификации не чужды понятия диалект, региолект, литературный язык, художественный язык, язык фольклора, язык науки, язык документации, язык религии. В этнолингвистическом анализе все эти понятия в полной мере могут быть применены к этносу.

В третьем разделе данной главы под названием **«Основы классификации этнолингвистических ареалов Таджикистана»** рассмотрены вопросы употребления разных языков в одной языковой среде, которые неизбежно взаимодействуют, и показаны этнолингвистические ареалы Таджикистана. По классификации в основном различают три семьи языков: **индоевропейская семья языков** (*иранская группа языков*: таджикский, ягнобский, язгулямский, шугнанский, рушанский, ишканинский, ваханский; *славянская группа языков*; *индийская группа* (джуги, согутарош, кавол, чистони и перья); **тюрко-монгольская семья языков** (*узбекский, лакайский, киргизский, кунгуротский, туркменский, дурманский, катаганский, барлос, юз*) и **семитская семья языков** (*арабский*), которые употребляются в Таджикистане. Важнейшими признаками классификации этнолингвистических ареалов являются основные слова и субстраты, заимствование которых считается сомнительным. В лексических слоях языка родственные термины, названия органов тела, термины духовного наследия и бытовая лексика (религиозная, мифологическая, фольклорная, искусство, культуры, народный календарь, наречие), термины, связанные с сельским хозяйством (деханство, земледелие, животноводство, охота), названия домашнего скарба, одежды, продуктов питания и другие являются основным территориальным этнолингвистическим показателем, но иногда можно заметить употребление этих терминов внутри объединения языков, которые становятся причиной сложности этнолингвистической классификации. Поэтому важно обращать внимание некоторым свойствам распространения языков с исторической точки зрения. По данным этнографических, лингвистических, фольклорных, историко-культурологических исследований, этнолингвистический регион Таджикистана делится на ареалы и округа с учетом влияния языковых, культурных, этнических, исто-

рических, социальных, экономических и политических факторов следующим образом:

1. Согдийский этнолингвистический ареал с округами: 1) Худжанда и районов, находящихся в его окрестностях; 2) Зеравшанской долины;
2. Гиссарский этнолингвистический ареал с округами: 1) Каратага и его горного селения; 2) Кафернигана и среднее течение реки Вахш;
3. Хатлонский этнолингвистический ареал с округами: 1) Вахшской долины; 2) Кулябского региона;
4. Раштский этнолингвистический ареал;
5. Горно-Бадахшанский этнолингвистический ареал с округами: Мургабского района; Ишкашимского района; Шугнана и Шохдары; Рушанского района; районов Вандж и Дарвоз.

На основе вышеприведённой этнолингвистической классификации Таджикистана мы поместили их в географическую карту Таджикистана:

В четвертом разделе разъясняются особенности этнолингвистических ареалов Таджикистана.

Согдийский этнолингвистический ареал и его округи находится в северной части Таджикистана. С учётом языковых и культурных особенностей жители этого этнолингвистического ареала делятся на два округа: 1) Худжандский округ и районы, находящиеся в его окрестностях: Худжанд, Ашт, Канибадам, Исфара, Бободжон Гафуров, Джаббор Расулов, Спитамен,

Матча, Бустон, Гулистон, Истиклол, Зафаробод, Истаравшан, Шахристон; 2) округ Зеравшана: Пенджикент, Деваштич, Айни, Горная Матча.

Таджикский язык является самым влиятельным языком Согдийского этнолингвистического ареала, с точки зрения диалектологии к данному ареалу относятся два диалекта – северный и центральный. Узбекский язык входит в состав тюркской группы языков, в этом округе занимает второе место. Ягнобский язык находится в группе риска и считается самым древним языком этого ареала. Носители ягнобского языка этого ареала в основном живут в Ягнобской долине.

Впредь в одной языковой среде распространения таджикского, узбекского и ягнобского языков развивается обмен терминами относительно материального и духовного наследия, в том числе традиции и обычаев, национальных одежды и продуктов питания, термины, выражающие родственные отношения, земледелие, животноводство и другие и используются как общие термины (этнографизмы). Например, названия детских игр, такие *зуппа, чамбул, харбачийак, сабабозӣ, ботирак, лайлакпаронӣ, ошуқбозӣ, бучулбозӣ, ҳанпак*; обряд укладывания (впервые) новорождённого в колыбель: *чиллагуре-зон, лулакбинон, лулакчигон*; термины, связанные со свадьбой: *рӯкушоён, ҷезпушон*.

Гиссарский этнолингвистический ареал и его округи. Гиссарская долина находится в территории Таджикистана и среди южной части Гиссарского горного хребта и северной части горы Боботог и Каратог. Различен национальный состав Гиссарской долины. Таджики являются коренными жителями этой долины, по историческим и научным источникам в Гиссарской долине после XI века сюда мигрировали другие этносы, такие как узбеки, тюрки, карлуки, кипчоки, казахи, барлосы, найманы и другие, также этнические группы кавол (шохлахаммади), чистони, согутарош, джуги и перья и остались жить здесь⁵².

В силу этого этнического разнообразия Гиссарский этнолингвистический ареал можно разделить на два округа: 1) Каратагский округ и его горные аулы, охватывающие города и районы Турсунзаде, Шахринав, Гиссар, Варзоб, Рудаки; 2) округ реки Кофарнихон и среднее течение реки Вахш, охватывающий Ромитское ущелье, Файзабадский, Вахдатский, Нурекский, Яванский и Хуросонский районы.

В данном ареале таджикский язык является основным языком по разделению диалектов. Диалект Гиссарской долины распространился в Каратаге, его горных селениях и в части селений Варзобского района; кулябский диалект Гиссара распространился в правый берег среднего течения реки Вахш,

⁵² Оранский, И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование / И. М. Оранский – Москва: «Наука», 1983. – 237 с.

районы: Файзабад, Нурек, Яван, округ реки Каферниган (местности среднее течение реки Каферниган, долины реки Варзоб и Гиссарская долина – жители селения с кулябским говором)⁵³. А также развиваются узбекский язык и другие языки тюркской группы языков, язык перья и таджикский диалект этнических групп кавол (шохмухаммади), чистони, согутароши, джуги и перья Гиссарской долины. Таджикский язык для этнических групп кавол (шохмухаммади), чистони, согутарош и джуги является родным. Этническая группа перья общается на своём родном языке и таджикский язык для них является вторым родным языком⁵⁴. В некоторых селениях Варзобского, Рудаки, Шахринавского, Яванского районов и городов Вахдат и Гиссар употребляют ягнобский язык⁵⁵.

Нужно отметить, что в языках, входящих в этот ареал, можно встретить множество заимствованных слов таджикского языка.

Раштский этнолингвистический ареал. В Раштский этнолингвистический ареал входят Рогунский, Нурабадский, Раштский, Таджикибадский, Лахшский, Сангворский район и долина Сагирдашт. Этнический состав данного ареала составляют в основном таджики, малую часть киргизы, которые общаются на киргизском языке. Основной язык этого ареала – таджикский язык. На основе классификации диалектологов таджики этого ареала говорят на раштском (каратегинском) говоре и южном диалекте таджикского языка.

Раштский этнолингвистический ареал отличается некоторыми своими особенностями от других ареалов Таджикистана. Основное различие можно заметить в отдельных этнографизмах, которые характерны для этого ареала. Такие этнографизмы играют важную роль в составлении этнолингвистической карты, имеют свою территорию распространения. Например, игра под названием «нахчирбозй» (игра в горного козла) используется посредством двух основных слов – *нахчир* и *пиркут*. Нахчир – это горный козёл, а пиркут (старая собака). Термин «пиркут» состоит из двух слов: *пир* (старый) и *кут* (собака). Вторая часть, то есть «кут» в сегодняшнем говоре этого ареала не используется, но с этимологической точки зрения, это слово в шугнанской и рушанской группах языков активно используется в форме «куд». О данной игре упомянули составители «Таджики Каратегина и Дарвоза» и думают также о корне слова «кут»⁵⁶.

⁵³ Шакурӣ, М. Хуросон аст ин чо (нашри 2-юм) / М. Шакурӣ. – Душанбе, 2005. – 360 с. -С. 40-43.

⁵⁴ Оранский, И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование / И. М. Оранский – Москва: «Наука», 1983. – 237 с. – С.5.

⁵⁵ Мирзоев, С. Суннатҳои маҳаллӣ ва сурудҳои ягнобӣ / С. Мирзоев. – Душанбе, 2012. – 167 с.

⁵⁶ Кисляков, Н. А., Писарчик А. К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с. – С.102;175.

Хатлонский этнолингвистический ареал и его округа. В зависимости от разного состава Хатлонского этнолингвистического ареала можно разделить его на два округа: 1) этнолингвистический округ Вахшской долины: районы - Бохтар, Абдурахмон Джами, Кушониён, Вахш, Джалолиддин Балхи, Пяндж, Джайхун, Дусти, Кубодиён, Шахритус, Носири Хусрав и 2) этнолингвистический округ Кулябского региона с охватом городов и районов: Дангара, Леваканд, Темурмалик, Балджувон, Восеъ, Хамадони, Фархор, Куляб, Ховалинг, Муминобод, Шамсиддин Шохин и южная часть Дарваза.

Таджикский язык является важнейшим языком Хатлонского этнолингвистического ареала, другие национальные меньшинства этого округа также говорят на таджикском языке. Кроме таджикского языка здесь распространены такие языки, как тюркские и монгольские (узбекский, туркменский, тюркский, каракули, лакайский, кунгуротский, барлоский, каракалпакский) и диалекты таджикского языка среди нетаджикской нации (арабы, кавол). Таджикский разговорный язык сохранил историческую подлинность, и до сих пор фонетическая и грамматическая структура таджикского языка осталась самобытной. В вопросе лексического состава можно подчеркнуть, что по причине соседства языков у них свершился обмен словами. Поэтому в лексическом составе южного говора таджикского языка можно заметить тюркские слова, которые превалируют по сравнению с арабским языком, вошедшим в лексический состав другим путём.

Горно-Бадахшанский этнолингвистический ареал и его округа. В Горно-Бадахшанском этнолингвистическом ареале говорят на бадахшанских языках – язгулямский, шугнанский (с говорами баджуви и шохдара), рушанский (с говорами хуфи, бартангский, рошорви), ваханский, ишкашимский, таджикский язык (с бадахшанским говором южного диалекта, юго-западный диалект и таджикский литературный язык или «межпамирский фарси») и киргизский язык.

Данный ареал делится на следующие округа: Мургабский район, Ишкашимский район, Шугнанский и Шохдаринский долины, Рушанский район и районы Вандж и Дарваз.

Территорию распространения языков в данных округах составляют: в районах Вандж и Дарваз – таджикский язык (юго-восточный диалект) и язгулямский язык; в Рушанском районе – рушанский язык, бартангский диалект и говор рошорви рушанского языка (в долине Бартанг), говор хуфи рушанского языка (в долине Хуф), в Шугнанском и Шохдаринском районах – шугнанский язык (с охватом диалектов баджуви и шохдара); в Ишкашимском районе – ишкашимский язык (в долине Ишкашим), ваханский язык (в долине Вахан), таджикский язык (в долине Горон), в Мургабском районе – киргизский, шугнанский, ваханский и рушанский языки (особенно бартангский говор).

В совокупности за исключением носителей киргизского языка, в Горно-Бадахшанском этнолингвистическом ареале можно заметить единство этнографической и языковой структуры. Особенно наблюдается сходство в лексике области сельского хозяйства – обработка земли, земледелие, животноводство, деление труда (женщины занимаются обработкой молочных продуктов, а мужчины – земледелием), также выполнение традиции и обычаев на свадьбах, обрезании, рождении ребёнка и праздников. Это стало причиной того, что в Горно-Бадахшанском этнолингвистическом ареале термины или же этнографизмы, характерные для этого ареала распространились и развились в течение веков.

Пятая глава диссертации «**Этнолингвистическая интерпретация языковой картины мира таджиков**» состоит из 5 разделов, подразделов и отдельных пунктов.

Первый раздел посвящен теоретический обзор исследования. Во втором разделе «**Этнолингвистическая интерпретация отражения времени в языковой картине мира таджиков**» разъясняются частей суток в таджикском языке и бадахшанских языках.

В понятии таджикского народа еще с древности существует пять времён или пять частей суток. В частности, в авестийском языке сутки разделяются на пять времён, и каждое из них имеет свое название: *ušahin* (от восхода до заката), *hāwan* (с восхода), *rapithwīn* (с полудня до сумерек), *uzairina* (от сумерек до заката), *avisrutrim* (от заката до полуночи⁵⁷). Названные отрезки времени являются временами мольбы и молитв, о них говорится в «Хурда-Авасто»⁵⁸. В среднеперсидском языке отрезки времени названы следующим образом: *bāmdād*, *nēmrož*, *ēwarag*, *šām*, *nēmšab*⁵⁹. Такое деление времён суток в иранские группы языков имело продолжение и в основном имело религиозный характер.

В таджикском языке отдельные моменты времён суток выражаются в зависимости от религиозной картины мира: **бомдод** (намаз, совершаемый до восхода солнца) – раннее утро; **пешии** (намаз, совершаемый в полдень) – время до полудня; **аср** (намаз, совершаемый перед закатом солнца) – сумерки; **шом** (намаз, совершаемый после захода солнца) – вечер; **хуфтан** (последняя молитва, через полтора-два часа после захода солнца) – поздний вечер и в зависимости от обычного описания со словами *бомдод* – раннее утро; *чошт* – время до полудня; *нимрӯз* – полдень, *бегоҳ* (*шом*) – вечер; *шаб* – ночь, которые имеют отношение с началом светлого времени суток и движения

⁵⁷ Bahrani E. Dictionary of the Avesta. Vol I / E. Bahrani. – Nishapur, 1349. – 1164 p. -P.1567.

⁵⁸ Авасто. Китоби 1. / Таҳияи Бобоназар Фафур, Мухтарам Ҷотам, Муаззами Диловар. – Душанбе: «Бухоро», 2014. – 839 с. – С.719.

⁵⁹ Саймиддинов, Д. Вожациносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе: «Пайванд», 2001. – 310 с. – С.103.

солнца до луны. Наравне с этим средний счёт времени у таджиков является общеупотребительным. С восхода до заката солнца каждые моменты на основе движения солнца и тени предметов полностью подсчитывались, например:

	таджикский	ваханский	шуганский	хуфский	рушанский	язгулямский
Раннее утро; утренний рассвет; на рассвете (заре)	бомдод, сапедадам	naʔd̪in; ɕásarən; səbadam; xɣɨsbong	ʕiniʒak; subadam; aswisāri	ʕineʒak; subadam; ɕuxqiwd	ʕiniʒak	zdub-saar;
утро; на восходе солнца	субх, сахар	saari	saaraki	ruɣd̪ed; saaray	ruɣd̪ed; saaray;	ruɣd̪ed
восход солнца	офтобрас	irɕraɣ	xirpal	xorɕiraɣ	xorɕiraɣ; xorpal	x ^(w) ərsad
первая четверть светового дня; утро, время до полудня	чошт	ʕardəpn; ɕošt (ɕošt)	fišt̪ir-vidōb	šuvdevidob	šuvdevdōb	azənnim-ɕošt
двух третей пути к зениту	чошти калон	-	xidirvidōb;	xaydevidob	xaydevudob;	mīt ɕošt;
полдень	нисфирӯзӣ	maɣɣ; maɣɣ	maɖor	maɖor	maɖor	byamanɕ (qiyom)
полудня треть пути к закату	пешин	pišin	peʕin; fišt̪ir-peʕin (пешини калон)	xaydepiʕin (пешини калон); šuvdepiʕin (пешини хурд)	xaydepiʕin (пешини калон); šuvdepiʕin (пешини хурд)	piʕin;
время заката солнца	офтобнишаст	yirwišn	xim̪ist; xid̪irpeʕin; soyan̪ist	xōm̪ost; soyaɖed	xōm̪ost	x ^(w) əmvir
вечер, вечернее время	бегоҳ	ryɣz	vega		wiga; awal wiga	
наступление темноты	говгум	sarəɕpar; asr	zarzareʒibid; asre	xōrʒerte; zarzaray-zibed kurʕomak	xōrʒēr; zarzaray-zibod; asre kurʕom	məʒɣavarsəd; məʒɣavarzibod; aɕp
вечер	шом	šum	ʕom; ʕūm;	ʕom	ʕom	ʕom
поздний вечер	хуфтан	xuftan	xuftan	xuftan	xuftan;	xuftan
ночь	шаб	naʔd̪;	ʕab;	ʕab	ʕab; kurʕab	boyan
Полночь; одна четвёртая часть ночи	баробар-шаб; поси шаб	barobarnaʔd̪	barobar ʕab		barobar ʕab	buxtun šab

Таким образом, в подразделах данной главы указаны отдельные отрезки времени суток, дня, дней недели, месяцев и времён года в языковой картине мира таджиков. Выяснено, что в таджикском языке в общем существует единое описание по разделению отрезков времени суток, дня, дней недели, месяцев и времён года.

Третий раздел данной главы «**Этнолингвистическая интерпретация национального познания в наречении**» посвящён теме наречения или присвоения имени кому-либо, чему-либо. На основе этнолингвистических толкований, которые требуют отдельных методов и способов исследования и изучения, установлено, что национальная картина мира таджиков в наречении находится на основании национальной и языковой картины. Некоторые из существующих имен имеют историческое происхождение, а некоторые появились недавно, вместе они являются отражателями национального познания.

Именованье детей связано с религиозными и мировоззренческими убеждениями людей. С религиозной точки зрения представление таджикского народа об имянаречении можно разделить на две части: одна доисламская эра, а другая в исламский период.

С изменением религиозной веры таджиков, то есть после принятия ислама, в имянаречении таджикского народа происходили большие изменения. Эту точку зрения также поддержал в своем научном изыскании Ричард Нельсон Фрай – один из известных иранистов Гарвардского университета, подчеркнул, что после принятия ислама неарабами, их нарекали арабскими именами⁶⁰.

Есть и другие таджикские имена, которые имеют многовековую историю, те красивые, с высоким смыслом, благозвучные, гармоничные, и певучие имена, которые дошли до нас благодаря шедеврам национальной литературы. Ярким примером могут стать имена персонажей поэмы «Шахнаме», которые являются измененной формой древних имён: *Джамшед, Фаридун, Ковус, Афросиёб, Рустам, Сухроб, Сиевуш, Хусрав, Кайхусрав, Манучехр, Бежан, Рудоба, Тахмина, Фарангис, Манижа, Судоба, Гурдия, Гурофарид* и другие.

Если рассмотреть значение каждого из этих имён, можно представить национальную и языковую картину мира таджиков и познание окружающего мира ими. Действительно, эти имена сохранили в себе древние национальные традиции и обычаи таджиков. Например, имена Джамшед и Фаридун в Авесте являются именами древнейших мифических образов, в «Шахнаме» они упоминаются как имена царей. Впо-

---

⁶⁰ Ричард, Н. Ф. Наследие Ирана (Под ред. и с предисл. М. А. Дандамаева; пер. с англ. В.А.Лившица и Е.В. Зеймалю). –/ Н. Ф. Ричард. – М.: Вост. лит., 2002, 2-е изд. испр. и доп. – 463 с.

следствии народ на основе таких значений стал нарекать данными именами своих детей.

В исламское время, то есть новое время на основе древних имён, которые олицетворяют красоту, истину, знание и науку, справедливость, любовь, победу, удачу, благополучие, добро и милосердие, здоровье и многое другое, появились новые красивые и благозвучные имена с вышеуказанными значениями. То есть значение имён соответствовали традициям ислама, из арабских и таджикских слов получили новые имена. Например, части слова, образующие женские имена: *моҳ* - луна, *гул* - цветок, *бика* - госпожа, *намо* - вид, *ноз* - блаженство, *бону* - госпожа, *чаҳон* - мир, *парӣ* - фея, *ваш* - подобная, *бахт* - счастье, *меҳр* – солнце, любовь; части слова, образующие мужские имена: *худо* - Бог, *дин* - религия, *дод* - дар, *шоҳ* - шах, *ёр* - друг, *нек* - добро, *пок* - чистый, *хуш* - радостный, *чон* - душа. Нужно отметить, что с суффиксами *гул* «цветок», *офарид* «творец», *ноз* «блаженство», *гурд* «богатырь», *чеҳр* «лицо», *моҳ* «луна» есть женские имена в «Шахнаме», которые являются продолжением культуры имянаречения предков: *Гулнор*, *Гулиахр*, *Гурдофарид*, *Моҳофарид*, *Беҳофарид*, *Мушкиноз*, *Шаҳрноз*, *Нозёб*, *Чеҳрзод*, *Гурдия*, *Моҳёр*⁶¹.

Четвертый раздел данной главы называется «**Этнолингвистическая интерпретация национального познания в географических названиях**». Именованье местности и места жительства является древнейшей традицией всего человечества, поскольку в них отражаются культура и цивилизация, мысли и нрав, ремесло и занятие нации и дошли до нас как результат мышления разных периодов формирования и развития общества. Каждая нация и народность имеет свои взгляды на окружающий мир, и они разнообразны и это разнообразие отражалось в географических названиях.

Один из вопросов этнолингвистического толкования географических названий считается отражение религиозного и мифологического познания в топонимах. Его пример анализируется в нескольких географических названиях Ваханской долины: *Вриз* (*Vrız* из древнеиранского **h^vara-yaza* - «[место] восхваление солнца»); *Намадгум* (*Nəmədɣyt* из древнеиранского *namata-gava «место для чтения намаза»), *Шитхарв* (*Šitxarv*: *šit < *sivatad* “священное” + *xarv* < *xrava* “река” - «священная река»); *Раманит* (*Ramanit*: *рама “ангел Рама” + *нит(a)* “место расположения”, «место расположения ангела Рамы»); *Туггоз* (*Tuɣɣoz* от *туг* «флаг ислама» и *гоз* - «лужайка»); *Намозгаҳ* (*Nəmozgah* от *намоз* и *гоҳ* – место для чтения намаза).

Географические названия Ямг (от *уāта+гада* “дом Джамшед”), Ямчун (местная форма Йимчын), Йимит, которые находятся на берегах реки Пяндж,

⁶¹ Шарофзода, Г., Матробиён, С. Қ. Фарханги номҳои тоҷикӣ. Ҷилди 1 (номҳои духтарона). / Г.Шарофзода, С. Қ. Матробиён. –Душанбе: «Истеъдод», 2018. – 184 с.

долины Вахан, являются выразителем названия Джамы Вивангахон (в Авесте *уэ́та*, в древнем индийском языке *уата-*, *у́а́мака*-«пара») – того Джамы (Джамшеда), которого Фирдавси в «Шахнаме» описал как сильного и могучего царя, а также считается «одним из самых древних образов индоевропейской мифологии»⁶². В данных географических названиях сохранились мысли народа по мифологическому Джамшеду.

Пятый раздел посвящен «**Этнолингвистическое толкование терминов, обозначающих родственные отношения в языковой картине мира таджиков**». В словарном толковании терминологической группы, обозначающие родственные отношения в таджикском языке, составляют следующие лексемы: *падар* – отец, *модар* – мать, *писар* – сын, *духтар* – дочь, *хоҳар* – сестра, *бародар* – брат, *бобо* – бабушка, *бибӣ* (*момо*) – бабушка, *набера* – внук, *абера* – правнук, *хола* – тётя (со стороны мамы), *амма* – тётя (со стороны отца), *амак* – дядя (со стороны отца), *таго* – дядя (со стороны мамы), *чыян* – племянник, *бародарзода* – племянник, *хорҳарзода* – племянница и др.

В таджикском и бадахшанском (памирском) языках имеются различия в терминах родства. В таджикском языке нет отдельного слова для выражения *писарамак* "сын брата отца" (кузен (со стороны брата отца)), *духтарамак* "дочь брата отца" (кузина (со стороны брата отца)) или *писари таго* "сын брата матери" (кузен (со стороны брата матери)), *духтари таго* "дочь брата матери" (кузина (со стороны брата матери)) и т.д. Однако в бадахшанских языках для их обозначения в системе родства есть отдельное слово: *ваханский*: *рэҷониҷ* (кузен, кузина); *шугананский*, *рушанский*: *питуш* (кузен, кузина); *бартангский*, *сарикӯльский*: *патиш* (кузен, кузина). Точно так же в ваханском языке нет отдельных слов для различия между *дядей*, *тетей*, используются только общеупотребительные слова *беч* (дядя со стороны отца и матери) и *воч* (тетя со стороны отца и матери). Однако в таджикском языке есть отдельные слова *амак* «брат отца (дядя)», *таго* «брат матери (дядя)», *амма* «сестра отца (тетя)» и *хола* «сестра матери (тетя)». В отличие от таджикского и других бадахшанских языков в ишкашимском языке слово *вӯҷ* (брат отца) используется для обозначения дяди (брата отца), а слово *бэҷи* (дядя) используется для почитания других (полный анализ см. в главе 2.3.1).

Нужно отметить, порядок родственных отношений в таджикском языке стал очень простым и принял множество заимствованных слов, что препятствует историческому происхождению данных терминов. Термины, которые

⁶² Авасто. Китоби 1. / Тахияи Бобоназар Фафор, Мухтарам Ҷотам, Муаззами Диловар. – Душанбе: «Бухоро», 2014. – 839 с. -С.770.

существуют в порядке родственных отношений, не самостоятельные, а образованы из сочетания других слов данного порядка.

В **Заключение** диссертационной работы подведены итоги проведенного исследования, излагаются основные выводы и положения, содержащиеся в 5 главах диссертации.

В связи с рассмотрением, анализом и исследованием, мы пришли к выводу, что языковая картина мира является одной из форм языкового выражения духовной деятельности человека. Это позволяет человеку ознакомиться как можно больше узнать и познать соответствие языка и реального мира. В языковых единицах отражены культура, единство, традиции и обычаи, образ жизни людей. Поэтому только через языковую картину мира можно ознакомиться с концептуальным описанием лиц или отдельного общества. Язык способен передавать мировой облик в звуковую форму для того, чтобы и другие могли познать.

Легенды, которые дошли до нас в форме сказок и мифов, являются первоисточниками таджикской этнолингвистики, которые информируют нас об обычаях и традициях таджикского народа. К сожалению, по их этнолингвистической стороне очень мало информации и их недостаточно для этнолингвистического исследования. Посредством легенд мы можем осведомиться о жизни и быте, культуре и обычаях предков таджиков и важнее всего с их картиной мира и мировоззрением.

Мы разделили источники таджикского этнолингвистического исследования на три части: 1) устные источники (легенды и мифы, пословицы и поговорки, фразеологизмы мифологические персонажи, географические названия, имена людей, названия флоры и фауны); 2) национальные праздники и традиции (такие как Сада, Навруз, Тиргон, Мехргон), народные обряды и церемонии (такие как свадьба, рождение ребенка и обычаи, связанные с ним, обрезание, национальные игры, траур); 3) письменные источники (с Авесты, петроглифов и дошедшие до нас надписи на камнях, до составления словарей и написания произведений), которые в свою очередь делятся на два периода: период начала национальных традиций (до VIII-IX веков); новый период (X-XXI вв.).

Роль произведений таджикской классической литературы и словарей очень велика в сохранении и передачи духовного наследия предков (слова таджикского языка). Словари считаются одним из величайших источников этнолингвистического исследования, в которых можно найти информацию об истинных взглядах на обычаи и традиции наших предков.

Несмотря на то, что в прошлом этнолингвистика не подверглась самостоятельному изучению и исследованию, его вопросы очень хорошо изучены на основе этнографии, лингвистики и фольклора, что стали прочной основой для таджикской этнолингвистики.

Существование разных языков в Республике Таджикистан стало причиной появления этнолингвистических ареалов. В Таджикистане живёт национальное меньшинство, имеющее свои обычаи и традиции, ставшие коренными в соседстве с местными жителями – таджиками. В разных географических условиях добрососедские отношения в этнолингвистических ареалах стали причиной культурных и языковых обменов, и в результате установились языковые и культурные связи. Поэтому в зависимости от географического, культурного и языкового положения Таджикистана мы условно разделили на 5 этнолингвистических ареалов: 1. Согдийский этнолингвистический ареал; 2. Гиссарский этнолингвистический ареал; 3. Хатлонский этнолингвистический ареал; 4. Раштский этнолингвистический ареал; 5. Горно-Бадахшанский этнолингвистический ареал.

Установленные ареалы расположены в разных географических территориях и каждый этнолингвистический ареал имеет свои характерные особенности, охватывает разные языки и культуры. Как выяснилось, таджикский язык считается основным языком каждого этнолингвистического ареала и вносит значительный вклад в формировании особенных этнографических терминов.

Один из факторов появления диалектных различий в таджикском языке – это воздействие других языков, охватывающих тот или иной ареал. Также сосуществование в единой географической среде привело к появлению хозяйственных терминов, таких как земледелие, скотоводство, охота, предметы быта, и терминов, связанных с культурными традициями и обычаями, таких как свадьба, траур, обрезание, обряды, связанные с рождением ребенка, наречение, разные праздники, летоисчисление, календарные обряды, счёт, цветообозначение, национальные игры, отражение времени в картины мира языков.

Независимо от преобразования и обмена языков, картина мира носителями языка во взаимодействии с национальным языком не изменится. Познание мира и ознакомление с окружающим миром по-своему сохранится для нации или этнических групп.

Под влиянием языка большинства или влияния других этнических групп могут утратить свой национальный язык. Но они не быстро забывают свои традиции и культуру. Примерами такой этнолингвистической ситуации являются этнические группы кавол, чистани, согутарош, джуги в Гиссарской долине и арабы в Шахритусе.

Географическая среда также способствует сохранению языка и культуры малых этносов. Примерами тому являются ягнобский язык в Согдийских и Гиссарских этнолингвистических ареалах, язгулямский и ишкашимский языки в Горно-Бадахшанском этнолингвистическом ареале.

Восприятие и понимание времени в глобальном образе таджикского народа имеют уникальные черты и, в зависимости от места, приобретают иногда пространственные оттенки. Для точного выражения моментов времени таджикский народ создал в своем языке специальные слова, посредством которых слушатель может понять говорящего.

Обычный счёт времени у таджиков считается установленной картиной и широко применяется. Например, для выражения восхода солнца до наступления вечера, отрезки времени дня считаются на основе движения солнца и тени предметов и описывается следующими терминами: *офтоббаро*, *офтобрас*, *вақти ноништа*, *як найза баланд шудани офтоб* (первая половина дня), *чоитӣ*, *чоитиши калон*; *ба сари бом омадани офтоб* (полдень), *сояи ашӣ паридан* (полдень), *ба сари девор омадани офтоб* (наступление вечера), *ба сари қӯҳ рафтани офтоб* (офтобнишин), *соя афтидан*, *сарэқпар* (вах.), зарзаре (руш., шугн.) (закат солнца за горами), *зовғум* (полутьма, сумерки).

Развитие и эволюция языков стали причиной того, что некоторые термины, выражающие отдельных отрезков времени и места в национальных языках, образовали разницу между языками и тем самым они отделились друг от друга. Однако этимология терминов показывает, что они однокоренные и выясняется одинаковая языковая и национальная картина мира. Например, при анализе термина «зимистон» (зима) выяснилось следующее: несмотря на то, что данный термин в бадахшанские языки заимствован с таджикского языка, его исторический корень <*zīma- «сармо, барф» (мороз, снег) является однокоренным со словами *zəm* (ваханский), *žiniј* (шугнганский, рушанский, хуфи), *zəpaу* (язгулямский), «барф» (снег).

Так как таджикский народ исторически был земледельцем и землепашцем, для определения время сева образовали новые, особые слова, которые популярны как дехканский счёт. Языковая картина «дехканского счёта», «счёта охотника», «счёта в человека» ознакомит нас с древним миром таджиков по счёту времени и места. Существование такого счёта у горных таджиков было большим духовным достижением нации и отражало картину мира сегодняшней и вчерашней истории таджиков. Именно такие описания показывают единство таджикской нации.

Культура имянаречения продолжается по древним традициям, и никакая вера не смогла искоренить ее. Наоборот, заимствованные слова и имена под воздействием национального наречения, приобрели особую национальную форму. На основе некоторых таджикских имен внеациональные номенклатуры создали новые национальные имена, которым более тысячи лет и которые не выполнили возложенную на них миссию в нашем национальном языке и культуре. Именно эта высокая культура имянаречения укоренилась в сознании большинства наших людей, которые после введения множества арабских цитат по-прежнему уделяют особое внимание значению имени, и каж-

дый родитель старается выбрать ребенку наилучшее имя, которое имеет как хорошее значение, так и произношение.

Географические названия отражают представления древних народов, его культуру, традиции и обычаи. В плане культурно-исторического осмысления проанализированы две этнолингвистические проблемы - религиозная и мифологическая, которые чаще встречаются в книгах. Кое-где наряду с именами, имеющими ясное значение, встречаются и другие имена из древних и средневековых арийских языков. В то же время следует отметить, что процесс формирования и эволюции языка в географических названиях хорошо прослеживается на исторических этапах его развития.

Несмотря на всё это языковая картина народа оставалась для восприятия окружающего мира таджикской. В особенности, таджикское понимание и таджикские термины сохранились во фразеологических оборотах.

Рекомендации по практическому применению результатов

Таким образом, в ходе исследования были подтверждены основные предположения и положения, представленные к защите, а также поставленные цели и задачи исследования. Для реализации результатов диссертации в связи с этими достижениями рекомендуем:

1. Сохранение, архивирование и изучение материального и духовного наследия, в том числе национальных традиций и обычаев, а также древних культур и обрядов.

2. Этнолингвистическое исследование и через него защита материального и духовного наследия таджикского народа – земледелие, животноводство, охота, строительство, народные ремёсла, предметы быта, слова и термины, обозначающие традиции и обычаи свадьбы, траура, обрезания, обряды по случаю рождения ребёнка, имянаречения, географические названия, исторические названия, различные праздники, летоисчисление, календарные обычаи, счёт, цветообозначение, национальные игры, отражение языка в языковой картине мира, должны стать важнейшей задачей исследователей.

3. Специфика этнолингвистических ареалов Таджикистана являются необходимостью данной области науки. Ведь научные исследования в этой области позволяют всесторонне изучить этнолингвистические особенности регионов Таджикистана.

4. Должна глубоко исследоваться этнолингвистическая особенность каждого этнолингвистического ареала Таджикистана с охватом вышеперечисленных вопросов, нужно подготовить основание для составления “Этнолингвистического словаря таджиков”.

5. Продолжение традиции составления словарей в новом историческом периоде развития нашего языка стало радостной вестью о возрождении и сохранении редких и уникальных слов нашего языка. Словари и толковые сло-

вари, которые являются свидетельством существования языка, приобрели особую национальную ценность, включают в себя разъяснения, толкования и комментарий редких слов. Сегодня эти словари должны быть применены как основное средство образования нового термина и восстановления исконных таджикских слов.

Содержание и основные результаты диссертационного исследования опубликованы в следующих публикациях автора

Монографии и словарей

1. Матробиён С. К. Таджикская этнолингвистика: теоретические и практические аспекты. Книга 1. – Душанбе «Эр-граф», 2022. – 256 с.
2. Матробиён С.К. Традиционные игры ваханцев (этнолингвистический очерк). – Душанбе: Ирфон, 2012. – 210 с.
3. Матробиён С.К. (соавтор). Словарь географических названий (этнолингвистический аспект). – Душанбе «Истеъдод», 2019. – 184 с.
4. Матробиён С.К. (соавтор). Словарь таджикских национальных имён (этнолингвистический аспект). Том 1. – Душанбе «Истеъдод», 2018. –187 с.
5. Матробиён С.К. (соавтор). Словарь таджикских национальных имён (этнолингвистический аспект). Том 2. – Душанбе «Истеъдод», 2018. –184 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, определенных перечнем ВАК:

1. Матробиён С. К. Этнолингвистическое картографирование: к вопросам о развитии слова «Шогун (Наврӯз)». [Текст] / С. К. Матробиён. // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 1 (262). – Душанбе, 2021. – С. 198–202.
2. Матробиён С. К. Восприимчивость таджикского языка в течение истории (этнолингвистический анализ). [Текст] / С. К. Матробиён. // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 2 (263). – Душанбе, 2021. – С. 210–214.
3. Матробиён С. К. Языковой картины мира [Текст] / С. К. Матробиён // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 3 (264). – Душанбе, 2021. – С. 100-106.
4. Матробиён С. К. Система терминов родства в таджикском языке и их место в различных областях науки. [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник педагогического университета. №3 (92). Душанбе, 2021. – С. 40-46.
5. Матробиён С. К. Первые письменные источники таджикской этнолингвистики [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология). -Душанбе, 2021, №3. - С. 13 - 23.

6. Матробиёв С. К. Предлоги “də/tə” и “təg/dəg” ваханского языка и их эквиваленты в таджикском и английском языках [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник РТСУ. №1 (73). – Душанбе, 2021.
7. Матробиён С. К. Об исследовании концепции “языковой образ мира” в современной лингвистике. [Текст] / С. К. Матробиён. // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 1. – Душанбе, 2020. – С. 152–157.
8. Матробиён С. К. Сравнение этнолингвистической специфики пословиц и поговорок ваханского и английского языков (соматические примеры). [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология). №7. – Душанбе – 2020, – С. 27- 32.
9. Матробиён С. К. О едином использовании этнолингвистической и диалектологической терминологии [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология). №7. – Душанбе – 2020, – С. 104- 108.
10. Матробиён С. К. Этнолингвистический анализ одной части суток в ваханском языке: от восхода солнца до полудня [Текст] / С. К. Матробиён. // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 1. – Душанбе, 2019. – С. 47–56
11. Матробиён С.К. Соотношение терминов «концепт» и «понятие». [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №2. – Душанбе 2019. – С. 27-31.
12. Матробиён С. К. Этнолингвистическое картографирование: лексика традиционной народной духовной культуры (на примере традиционных игр ваханцев). [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/8. – Душанбе, 2019. – С. 111-115.
13. Матробиён С. К. Этнолингвистический анализ некоторых географических названий. [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №1. – Душанбе, 2019. – С. 27-31.
14. Матробиён С. К. Проблемы этнолингвистики: методы и приёмы её исследования в современной лингвистике. [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/8. Душанбе 2019. – С. 192-200.
15. Матробиён С. К. Отражение национального понимания в наречении дней (этнолингвистические исследования). [Текст] / С. К. Матробиён. // Известия Академии наук Республики Таджикистан (отделение общественных наук). № 4. – Душанбе, 2019. – С. 216– 220.
16. Матробиён С.К. Структурно-семантический анализ одной части суток в ваханском языке: от рассвета до восхода солнца [Текст] / С. К. Матро-

- биён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/3. – Душанбе, 2017. –С. 10-14.
17. Матробиён С.К. Лексика Навруза (этнолингвистические исследования лексики обрядов праздника Навруз у ваханцев). [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/4. – Душанбе, 2017. –С. 107-110.
  18. Матробиён С.К. Роль заимствованных формантов в образовании собственных имён [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/1 (195). – Душанбе, 2016. –С. 26-30.
  19. Матробиён С.К. Структура собственных имен в ваханском языке. [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник таджикского национального университета (серия филология), №4/9 (185). – Душанбе, 2015. –С. 97-101.

Статьи в других изданиях

1. Матробиён С. К. Языковая картина мира [Текст]. / С. К. Матробиён. // Актуальные вопросы арабистики (сборник статей международной конференции «Арабская и современная филология», 28 октября 2022 г.). – Душанбе, 2022. С.36-40.
2. Матробиён С. К. Ваханский Навруз [Текст] / С. К. Матробиён. // Энциклопедия таджикской культуры. Том 3. (Навруз и другие праздники). – Душанбе, 2018. – 804 с. – С. 319-321.
3. Матробиён С. К. Вахан [Текст] / С. К. Матробиён. // Таджикская национальная энциклопедия. Том. 3. – Душанбе «Эр-граф», 2014. –676 с. –С. 535-538.
4. Матробиён С. К. Изучение отраслевой терминологии на государственном языке в высшей школе [Текст] / С. К. Матробиён. // Журнал Института развития образования, 2014, №3. –С. 32-35.
5. Матробиён С. К. Этнографизмы Наврузских традиции народов Вахана [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник института языков, №1 (5). Душанбе, 2012. – С. 15-18.
6. Матробиён С.К. Лексика духовной культуры иранского этноса в сравнительном аспекте (на примерах сравнения лексики народных поверий в группе памирских и таджикских языков). [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник института языков. №4 (8). - Душанбе 2012.
7. Матробиён С.К. Языковые контакты (на примере лексики традиционных игр ваханцев в сравнительно-сопоставительном аспекте) [Текст] / С. К. Матробиён. // Вестник института языков. №1 (4). - Душанбе, 2011.
8. Матробиён С.К. Сравнительно-сопоставительный анализ названий и терминов традиционных игр ваханцев [Текст] / С. К. Матробиён. //

- Первый академик языкознания (научно-теоретические материалы, посвященные 100-летию со дня рождения академика Ниёзмухаммадова Б.Н.). – Душанбе, 2006. – С. 82-100.
9. Матробиён С. К. Культурно-бытовые традиции ваханцев: игра в лунки [Текст] / С. К. Матробиён. // Языки и этнография «Крыши мира». – Санкт-Петербург, 2005. – С. 86-88.
  10. Матробиён С. К. Обрядовые игры ваханцев в этнолингвистическом освещении [Текст] / С. К. Матробиён. // Языки и этнография «Крыши мира». – Санкт-Петербург, 2005. – С.80-85.
  11. Матробиён С. К. Традиционные игры ваханцев [Текст] / С. К. Матробиён. // Школа молодого востоковеда 2004 [Текст] / С. К. Матробиён. // Материалы научной конф. – Санкт-Петербург, 2004. – С.120-122.

Подписано в печать 15.12.2022. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Tj.
Усл. печ. л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ № 265.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com